

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ИННОВАЦИИ В НАУКЕ

Часть II

Новосибирск, 2012 г.

УДК 08
ББК 9
И 66

И 66 «Инновации в науке»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть II (11 апреля 2012 г.); [под. ред. Я. А. Полонского]. Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 100 с.

ISBN 978-5-4379-0070-3

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Инновации в науке» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, специалистам в области инноваций и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ББК 9

ISBN 978-5-4379-0070-3

Редакционная коллегия:

Председатель редколлегии:

- канд. техн. наук Полонский Яков Аркадьевич.

Члены редколлегии:

- канд. юрид. наук Андреева Любовь Александровна;
- канд. филол. наук Бердникова Анна Геннадьевна;
- канд. мед. наук, д-р психол. наук Дмитриева Наталья Витальевна;
- канд. мед. наук Захаров Роман Иванович;
- канд. психол. наук Красовская Наталия Рудольфовна;
- канд. биол. наук Харченко Виктория Евгеньевна;
- канд. пед. наук Якушева Светлана Дмитриевна.

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 6. Гуманитарные науки	5
ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Озерова Кристина Игоревна Кондря Татьяна Ивановна	5
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ Ахметгареева Айсылу Амирзяновна	9
ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ДОШКОЛЬНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ Бухарина Наталья Валерьевна	13
УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ Бухарина Наталья Валерьевна	19
БАНКОВСКИЙ СЕКТОР В РБ В ПЕРИОД ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА Галстян Арман Ваграмович Шмарловская Галина Александровна	25
СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Горшкова Елена Борисовна	31
КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК ИМПЕРАТИВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ Дианова Вероника Александровна	35
ОЦЕНКА СТЕПЕНИ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ И УСПЕХА КЛАСТЕРНЫХ ИНИЦИАТИВ В ТУРИЗМЕ Молчанова Вера Александровна	39
ТАКСОНОМИИ СЕКТОРАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОДХОД ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Панюшкин Станислав Валерьевич	44
ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СПОРТИВНО-РАЗВИВАЮЩИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА Прокопьева Евгения Леонидовна Прокопьев Игорь Владимирович	51

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ Садыр Гульмира Ауесхановна	59
О ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТЫНИ КАК ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ В НАУКЕ Фомина Елена Геннадьевна Ковалева Виктория Николаевна	63
ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Хибатуллина Зульфия Сагитовна Кондря Татьяна Ивановна	67
Секция 7. Медицинские науки	71
ЭТАПНЫЙ ПРИНЦИП ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМ ГОЛОВЧАТЫМ ПАНКРЕАТИТОМ, ОСЛОЖНЕННЫМ СИНДРОМОМ МЕХАНИЧЕСКОЙ ЖЕЛТУХИ Вовненко Кристина Вадимовна Чирков Роман Николаевич	71
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПАТОГЕНЕЗА ВНЕЗАПНОЙ СЕРДЕЧНОЙ СМЕРТИ, МАРКЕРЫ И СПОСОБЫ КОРРЕКЦИИ Игрунова Ксения Николаевна Ватлицов Денис Владимирович Андряш Виктория Васильевна	76
СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КРУПНОЙ И МЕЛКОЙ МОТОРИКИ ПРИ ГЕМИПАРЕТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ДЕТСКОГО ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПАРАЛИЧА Уханова Татьяна Алексеевна	83
Секция 8. Науки о земле	92
ДЕГРАДАЦИЯ ЛАНДШАФТОВ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ ВОЛГИ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ РАБОТЫ ВОЛЖСКОГО ГИДРОУЗЛА Овчарова Анжелика Юрьевна	92
ОБ АКТУАЛЬНОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ГРАФИКА «ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОПТИМУМА» ДЛЯ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОЛГО-АХТУБИНСКОЙ ПОЙМЫ Овчарова Анжелика Юрьевна	96

СЕКЦИЯ 6.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Озерова Кристина Игоревна

*студент кафедры социологии и социальной работы, Национальный
Исследовательский Иркутский государственный Технический
университет, Институт изобразительных искусств и социально-
гуманитарных наук, г. Иркутск
E-mail: ozerovaforever-2011@mail.ru*

Кондря Татьяна Ивановна

*канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы
Национальный Исследовательский Иркутский государственный
Технический университет, г. Иркутск
E-mail: tata.irk.1970@yandex.ru*

Произошедшие глобальные изменения в системе общественных ценностей, экономическая и социально-структурная трансформация общества привели к изменению жизненных стратегий у большинства современных российских женщин. Развитие общества и новые социально-экономические условия исказили социальные функции и роли женщин в социуме, все чаще они совершают поступки нехарактерные для слабого пола. Речь пойдет о таком негативном явлении как женская преступность.

Изучение женской преступности интересовало и продолжает интересовать не одно поколение исследователей. Интерес к преступному поведению женщин вполне объясним с учетом их особого положения в социальной структуре общества, рядом физиологических особенностей, особой важности тех социальных функций, которые они выполняют в жизни общества и крайне негативных последствий криминальных форм их поведения.

В настоящее время имеется большая необходимость в исследовании женской преступности, в чем причины асоциального поведения женщин, какие обстоятельства толкают на преступное деяние, ради чего они идут на противоправные действия. Это крайне необходимо в связи с интенсивным ростом в нашем государстве данного вида преступности.

В современном обществе в силу ряда биологических, а также психологических факторов женщина призвана выполнять определённые функции и роли, которые делают ее уязвимой в плане общественного мнения и социальной оценки. Истинное предназначение женщины — стать любящей матерью, заботливой и верной супругой, хранить и оберегать семейный очаг, все это в совокупности предопределяет значимость социально допустимых норм поведения, дающих большой выбор для реализации себя в сфере общественного производства, в семейно-бытовой среде, а также творческой и созидательной деятельности. В связи с тем, что женщина занимает особое положение в системе функциональных отношений в обществе любые девиации в поведении влекут за собой серьезные последствия, которые наносят вред самой личности, семейным отношениям, нравственному развитию подрастающего поколения и социума в целом.

Наряду с общими характерными чертами для всей преступности, женская преступность характеризуется определенной спецификой, которая позволяет выделять и рассматривать эту категорию преступлений в качестве относительно самостоятельного элемента преступности.

Женская преступность уже достаточно давно является предметом пристального изучения многих зарубежных и отечественных ученых-криминологов, которые посвятили её исследованию свои научные труды.

Исследованию поведения женщин, совершивших насильственные преступления, посвящена работа Н. В. Дыбовской, в ней она делает вывод о воздействии на преступность среди женщин семейных обстоятельств. Научные труды С. С. Алексеева, М. Н. Голоднюк, Т. В. Прокофьевой, Н. С. Лейкиной,

В. В. Лунеева и других затрагивали общие вопросы преступности среди женщин. Попытки выявить статистические и криминологические закономерности женской преступности были предприняты В. А. Серебряковой, В. Н. Кудрявцева, Л. Ш. Берекашвили. С начала 1990-х гг. появляется ряд публикаций, непосредственно посвященных проблемам применения назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин. На современном этапе развития криминологии проблеме преступности среди женщин уделяет

достаточно внимания Ю. М. Антонян посвятил исследованию данной проблемы монографию «Преступность среди женщин».

Длительное время в криминологической науке считалось, что преступность среди женщин характеризуется невысоким уровнем общественной опасности, и поэтому она редко рассматривалась специалистами в качестве определенной разновидности преступности, чаще она представлялась как некая «особенность» в общей характеристике преступности. Более того, в отдельных публикациях и официальных документах при анализе состояния преступности в Российской Федерации вовсе не уделяется внимания преступности среди женщин. Это положение определило актуальность разработки признаков, криминологической характеристики и оценки современного состояния преступности среди женщин в России. Сложность и комплексность данного феномена обуславливают актуальность его дальнейшего научного исследования.

Негативные тенденции преступности среди женщин обусловлены возрастанием общественной опасности совершаемых ими преступлений, они ставят под угрозу не только безопасность жизни, здоровья, собственность отдельных граждан, но и существенным образом влияют на нравственное состояние общества, его культуру и стиль взаимоотношений. И здесь предстоит большая работа. Несмотря на некоторое снижение числа преступлений, совершенных женщинами за последние пять лет, отмечается сохранение их негативных количественных и качественных признаков. Это выражается в увеличении доли данных преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений, возрастании доли тяжких и особо тяжких преступлений (ежегодно 6—9 %) в структуре совершаемых ими преступлений. Женщины всё чаще становятся участниками преступных групп, выступают лидерами либо заказчиками тяжких преступлений против личности.

Выборочные исследования показывают, что наблюдается сращивание преступной деятельности женщин с террористическими, преступными группировками. Преступность среди женщин не только способствует росту преступности в России в целом, она также способствует стиранию грани между моральным и аморальным поведением, разрушает традиционный уклад семейных отношений, способствует деформации иных социальных связей. Предупреждение преступности среди женщин является важным фактором ее сдерживания. Как в зарубежной, так и в российской криминологической науке до настоящего времени не выработано эффективного подхода к решению этой проблемы. Оптимизация предупреждения преступности среди женщин, таким образом, не утратила в современных условиях

своей актуальности, теоретической и практической значимости. Поэтому не случайно ученые в области юриспруденции, психологии, социологии, гендерных исследований, а также государственные, прежде всего, правоохранительные органы России уделяют серьезное внимание изучению причин и поиску мер, направленных на повышение эффективности предупреждения преступности среди женщин.

Проведенные опросы женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях дают основания сделать вывод о том, что если бы социально-психологическая работа была проведена в тот момент когда конфликтная ситуация только зарождалась, то многие преступления можно было бы предотвратить. Это положение относится к вопросам предотвращения преступлений у женщин, возникающих не только на семейно-бытовой почве, но и в трудовых коллективах.

Прежде всего необходимо выявлять негативные явления, а также те обстоятельства, которые заложены в деформированных общественных отношениях которые провоцируют зарождение преступного поведения.

В силу особенностей, присущих женской преступности, ее распространенности, структуре и динамике, природе и причинам, представляет собой самостоятельный объект изучения предупредительных усилий и профилактической работы. Ее специфика связана с причинами как преступности в целом, так и индивидуального преступного поведения женщин, с теми отличительными личностными чертами, которыми они обладают, социальными функциями и ролями, их местом в системе общественных отношений [3, с. 65].

В современных социально-экономических условиях женщины зачастую вынуждены идти на различные преступные деяния, чтобы обеспечить себе элементарную возможность существования. К глубокому сожалению, женщина перестает чувствовать себя слабым полом, активнее участвуя в общественной жизни, занимая руководящие должности, трудясь наравне с мужчинами. Быстрый рост цен и отсутствие денег подталкивают женщин на совершение краж, грабежей, торговлю наркотическими средствами и организацию различных махинаций.

Напряженная профессиональная деятельность в сочетании с выполнением женщинами семейных обязанностей нередко приводит к самым негативным последствиям. Работа с перегрузками, стрессовые ситуации, чувство усталости, нервное перенапряжение приводит к нервному срыву, что влечет за собой возможность совершения преступных действий [3, с. 125].

Проведенный анализ научных публикаций о современной преступности среди женщин и ее предупреждении в современной

России позволяет сделать вывод о необходимости более активной разработки данной проблемы с учетом особенностей Российской Федерации, поскольку развитие общества и государства объективно предполагает повышение количества преступных деяний среди женского пола. Это может способствовать принятию новых законопроектов по решению конкретных проблем, присутствующих в таком феномене, как преступность среди женщин.

Список литературы:

1. Антонян, Ю. М. Преступность среди женщин / Ю. М. Антонян. — М.:
2. Росс. право, 2007. — 256 с.
3. Арефьев А. Л. Российский следователь // Социологические исследования. — 2005. — № 7. — 205 с.
4. Кудрявцев В. Н. "Современные проблемы борьбы с преступностью в России. //Вестник Российской академии наук т.69 № 9 ст. 790 — 797 2009 г.
5. Прокофьева Т. В. Роль женщины в деятельности организованных преступных формирований. // Насилие. Личность. Общество. — М., 2000. — 321 с.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ахметгарева Айсылу Амирзяновна

*преподаватель, ГАОУ ВПО НГТТИ, г. Набережные Челны
аспирант, КИ РГТЭУ г. Казань*

E-mail: ahmetice@mail.ru

Теоретические, методологические и методические аспекты развития систем управления конкурентоспособностью компаний в российских условиях остаются малоизученными, а имеющийся зарубежный опыт в области создания таких систем и их дальнейшего внедрения не может быть применен в полном объеме из-за специфики отечественных отраслей народного хозяйства в условиях нестабильного рынка.

По мнению автора, процедуру отбора и анализа эффективности нововведений целесообразно начинать с оценки их рыночной перспективности и готовности предприятия к осуществлению инновационной деятельности.

Методы расчета предложенных показателей оценки рыночной привлекательности инноваций и готовности предприятия к осуществлению инновационной деятельности представлены в таблице 1.

Таблица 1

Первоначальные этапы оценки внутрихозяйственной эффективности инновационных проектов*

Этапы анализа	Исходные данные	Критерии выбора
Оценка рыночной привлекательности инноваций	— Планируемые величины количества потребителей и объема осуществляемых ими закупок; — Планируемые величины стоимости и объема продаж инновационного продукта.	$E_p, T_p, P_n, C_o \rightarrow \max$
Оценка общей готовности предприятия к осуществлению инновационной деятельности	Стоимостное выражение имеющихся у предприятия экономических ресурсов, которые могут быть использованы для реализации проекта	$K_{дс} \geq 0,5;$ $K_{ниокр} \geq 0,15;$ $K_{ни} \geq 0,2;$ $K_{ис} \geq 0,05;$ $K_{от} \geq 0,3;$ $K_{рек} \geq 0,5$
Оценка дополнительных затрат предприятия на реализацию инновационного проекта	Стоимостное выражение дополнительных затрат, требующихся для реализации проекта (с распределением по группам)	$PB < 0,7$

* Условные обозначения: E_p — годовая ёмкость рынка, T_p — среднегодовой темп роста рынка, P_n — потенциал продукта, C_o — степень охвата рынка, $K_{дс}$ — коэффициент денежных средств, направленных на НИОКР, $K_{ниокр}$ — удельный вес персонала, занятого в НИР и ОКР, в общей численности персонала, $K_{ни}$ — коэффициент имущества, предназначенного для НИР и ОКР, $K_{ис}$ — коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью, $K_{от}$ — коэффициент освоения новой техники, $K_{рек}$ — удельный вес бюджета на рекламу инновационной продукции в общем объеме рекламного бюджета организации, PB — совокупные ресурсы предприятия, необходимые для реализации инновационного проекта.

Необходимость оценки привлекательности новой технологии на рынке связана с тем, что на практике даже оригинальные с технической точки зрения новшества могут оказаться невостребованными, например, в силу отсутствия достаточного объема целевой аудитории,

заинтересованной появившейся новинкой, и, как следствие, вложенные инвестиции не могут достичь планируемых параметров окупаемости. В силу этого обстоятельства, прежде чем делать какие-либо весомые капиталовложения в новый продукт или технологию, необходимо грамотно оценить заинтересованность в них потенциальных потребителей, возможность успешной реализации, а также определить эффективность влияния инноваций на хозяйственную деятельность предприятия.

Далее в процессе определения возможностей реализации инновационного проекта предприятием происходит оценка ресурсов, которыми на данный момент располагает предприятие.

Данная оценка может быть проведена путем расчета коэффициентов, характеризующих общую готовность предприятия к осуществлению инновационной деятельности.

Минимальная разница рассчитанных коэффициентов и нормативных значений свидетельствует о том, что предприятие будет использовать собственные возможности для реализации инновационного проекта, без привлечения дополнительных ресурсов.

После того, как была проведена оценка общих возможностей предприятия осуществлять инновационную деятельность, и выявлены отклонения рассчитанных величин от нормативных значений, целесообразно определить дополнительный объем ресурсов, необходимый для реализации конкретного проекта.

Согласно концепции о финансовой устойчивости предприятия, при оценке возможностей реализации дополнительные затраты на инновационный проект не должны превышать 0,7 собственных средств [1, с. 48]. Если дефицит ресурсов окажется значительным и предприятие не сможет осуществить финансовую поддержку инновационного проекта, то это, в лучшем случае, может привести к необходимости отказа от внедрения инновации или к временной приостановке плана, в худшем случае — к потере финансовой устойчивости предприятия. Данная ситуация обязывает предприятие пересмотреть систему действий, проводимых в рамках реализации проекта.

Таким образом, изменения, вносимые в исходные параметры проекта, позволяют регулировать объем требуемых инвестиций и, соответственно, влиять на результаты анализа объема ресурсов, необходимых для реализации инновационного проекта. Завершающей стадией оценки внутрихозяйственной эффективности инновационных проектов является оценка влияния инноваций на основные показатели деятельности предприятия.

Цель хозяйствующего субъекта при внедрении новой или усовершенствованной технологии заключается в том, чтобы увеличить темпы роста выручки, прибыли, чистого дохода, выработки, объёма материальных и нематериальных активов.

Для того, чтобы определить степень влияния процесса реализации инновационного проекта на изменение себестоимости продукции, необходимо сравнить темпы роста затрат и темпы роста производительности труда. Предложенное сравнение заключается в следующей закономерности: если темпы роста затрат на внедрение и содержание новой технологии будут меньше темпов роста производительности труда, то себестоимость будет уменьшаться, и, соответственно, наоборот. Данная закономерность подтверждает необходимость оценки взаимосвязей между показателями эффективности деятельности предприятия, причём в динамике. Для этого автором сформирована система оценки влияния инновационного проекта на различные экономические показатели работы предприятия.

Предложенная оценка осуществляется путём сравнения основных показателей в производственной, сбытовой, кадровой, финансовой сферах, а также в сфере НИОКР до и после реализации проекта. Это позволит установить взаимосвязи и взаимозависимости между инновационными процессами и общей работой предприятия. Экономический смысл представленной зависимости заключается в том, что рост прибыли предприятия должен происходить более высокими темпами, чем рост выручки и имущества предприятия. То есть затраты, связанные с производством и реализацией продукции должны уменьшаться.

Интеграция рассмотренных методов в рамках единого механизма оценки внутрихозяйственной эффективности инновационных проектов позволяет дополнить существующую на сегодняшний день технологию данной оценки, что, в свою очередь, позволяет более детально изучить альтернативные инновационные проекты и принять грамотное решение касательно выбора из них наиболее привлекательного для реализации.

Необходимы этапы реализации инновационного проекта совместно с предложенными методами оценки эффективности инновационных проектов. Совместно с этим представлен перечень мероприятий, присущих каждому из этапов реализации инновационного проекта и перечень исходных данных для проведения аналитических действий с использованием каждого из предложенных методов. Данная таблица 1 позволяет представить структурные связи между этапами реализации инновационных проектов и предложенными методами оценки эффективности данных проектов.

На первом этапе происходит выбор идей инновационного продукта по принципу наибольшей привлекательности. В рамках проводимого отбора необходимо предварительно провести изучение рынка, определить востребованность в новом продукте в точки зрения тех сегментов рынка, которые относятся к категории потенциальных потребителей.

На втором, конструктивном этапе происходит разработка и совершенствование технологии, создание опытного образца нового продукта, также возможно проведение его тестирования потенциальными потребителями.

Список литературы:

1. Никулина Н. Н., Суходоев Д. В., Эриашвили Н. Д. Финансовый менеджмент организации. Теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Менеджмент организации». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 511 с.

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ДОШКОЛЬНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ

Бухарина Наталья Валерьевна

*ассистент кафедры управления дошкольным образованием, ФГБОУ
ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»,
г. Челябинск*

E-mail: nbuheif_5@mai.ru

Успешное развитие дошкольных образовательных учреждений во многом зависит от эффективного управления, поэтому для руководителей становится актуальным повышение эффективности своей профессиональной деятельности. Различные вопросы изучения путей и способов оптимального управления находятся в центре внимания многих исследователей, но предлагаемые решения не могут в полной мере обеспечить потребности практики. Анализ литературных источников [1; 2] позволяет назвать тому несколько причин.

Во-первых, имеющаяся информация об управлении представляется практикам слишком общей и теоретической, не учитывающей потребности и возможности конкретного образовательного

учреждения. К тому же каждая конкретная управленческая ситуация уникальна, что делает невозможным прямой перенос чужого опыта в собственную практику.

Во-вторых, сложившиеся социально-экономические условия, характеризующиеся неопределенностью и высокими темпами изменений, актуализируют потребность организации в «гибких» технологиях управления для обеспечения необходимого уровня эффективности организации [4].

В-третьих, ограниченность ресурсов образовательной организации актуализирует для практики управления задачу рационального их использования и поиска дополнительных ресурсов для достижения целей образовательного учреждения и участников совместной деятельности. В современном менеджменте признано, что самым главным ресурсом организации являются люди, поэтому на первый план выходят технологии управления человеческими ресурсами организации.

Решению вышеперечисленных проблем во многом может способствовать применение в управлении дошкольным образовательным учреждением гуманитарных технологий, владение которыми сегодня признается важнейшим элементом всех направлений деятельности руководителя. Одной из них является технология управления образовательной организацией через управление ее культурой, для применения которой руководителю важно иметь представления о феномене организационной культуры, методах и приемах управления им. Однако в литературе не описана сущность этой технологии, ее элементы, принципы проектирования. Цель нашего исследования рассмотреть управление организационной культурой дошкольного образовательного учреждения как гуманитарную технологию.

Организационная культура — совокупность основных убеждений, сформированных самостоятельно, усвоенных или разработанных определенной группой по мере того, как она учится разрешать проблемы адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые оказались достаточно эффективными, чтобы считаться ценными, и потому передаваемых новым членам в качестве правильного образа восприятия, мышления и отношения к конкретным проблемам [6].

Для рассмотрения управления организационной культурой как гуманитарной технологии следует понять, что исследователи вкладывают в понятие гуманитарных технологий. В словарно-справочной литературе технология (от греч. *techne* — искусство и *logos* — учение) определяется как совокупность наук, сведений, знаний о способах переработки, производства чего-либо и процессы сопровождающие эти виды работ (методы, приемы, средства, последовательность операций и

процедур). Гуманитарные технологии — это комплекс методов управления социогуманитарными системами [5]; систематизация, организация и процессуальное (процедурное) упорядочение компонентов целенаправленной коллективной деятельности на основе современного гуманитарного знания [2, 6].

Образовательные организации, в том числе дошкольные образовательные учреждения, являются открытыми социогуманитарными системами, организационные культуры которых, как и организация в целом, испытывают на себе влияние комплекса внешних и внутриорганизационных факторов. Средства и методы управления организационной культурой основаны на применении знаний различных гуманитарных наук: психологии, социологии, управления, менеджмента и т. д.

Специалистами Герценовского университета [2, с. 21] высказываются следующие представления о гуманитарных технологиях: 1) гуманитарные технологии решают, с одной стороны, проблему самореализации человека и группы и, с другой стороны, проблему развития коммуникации в рамках коммуникативных стратегий; 2) человек в контексте гуманитарных технологий выступает как своеобразная знаковая система, информативная и открытая для контактов, что облегчает актуализацию индивидуально-личностных смыслов, выступающих в этом случае в качестве преобразующего и преобразуемого начала; 3) гуманитарные технологии — это действия (исследовательские, аналитические, информационные, организационные), в которых присутствует алгоритм их выполнения и оценки, направленные на развитие человеческой личности и создание соответствующих условий для этого.

Управление организационной культурой как гуманитарная технология исходит из представления об организации как о культурном феномене и в отличие от других подходов имеет дело с «человеческим материалом», зависима от человека, сосредотачивается на собственно человеческой стороне организации [1; 4]. Взгляд на организацию в этом ключе дает комплексное понимание процессов эволюции и функционирования различных организаций с учетом глубинных механизмов поведения людей в многофункциональных, динамически изменяющихся контекстах. Методы управления направлены на актуализацию ценностей и формирование и согласование смыслов, лежащих в основе поведения сотрудников организации. Результатом является актуализация ресурсов персонала, повышение удовлетворенности трудом, рост качества профессиональной деятельности, благоприятный социально-психологический климат, построение партнерских отношений.

Культура существует как механизм воспроизведения социального опыта, помогающий жить в своей среде и сохранять единство и

целостность сообщества при взаимодействии с другими сообществами. Для каждой из них характерны специфические управленческие формы, выполняющие функцию воспроизведения социального опыта и регулирования деятельности людей в этой организации, сочетание которых обеспечивает воспроизведение и согласование совокупности норм, ценностей, философских принципов и психологических установок, предопределяющих поведение людей в организации и позволяет отыскивать различные варианты решения возникающих проблем. Поэтому управленческие решения и действия для каждой организационной культуры уникальны.

Согласно подходу, который формировался в рамках системомыследеятельностной методологии (Г.П. Щедровицкий, В.В. Мацкевич, П.Г. Щедровицкий и др.), составляющими гуманитарных технологий выступают «особые» нематериальные элементы: различного типа знания, идеи, схемы, конструкты, знаковая среда (реклама, продукты СМИ и др., квалификация, человеческая психика, время, доверие, ответственность, авторитет, авторское право и т. п. Материальное (вещественное) является характеристиками продуктов и представляется как производные, полученные в результате гуманитарной деятельности, к которой невозможно применить вещественную мерность [4]. Среди различных материальных и нематериальных элементов организационной культуры обычно рассматриваются: ценности, представления людей, предположения, убеждения и поведенческие нормы и правила, символику, язык, повествования и обычаи, которые регулируют социальные отношения работников.

Исследователями отмечаются различные качественные характеристики гуманитарных технологий. Среди них называют такие как: публичная сфера применения (направлены на развитие «живой», непосредственной коммуникации), ориентация на будущее (стратегический характер, решение проблем в долгосрочной перспективе), эксклюзивность (разрабатываются под конкретный проблемный блок или проект) и оптимистичность (экологичность) [5]. Другие исследователи, например, Г. К. Селевко, перечисляют качества технологии и вводят следующие критерии технологичности: концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость [3]. Все указанные характеристики в полной мере соответствуют технологии управления организационной культурой. Действительно, комплекс конкретных мероприятий и методов используемых в каждой организации является уникальным, они планируются на длительное время, т. к. быстрое изменение такого сложного феномена как организационная культура невозможно.

Считаем, что при проектировании технологии управления организационной культурой целесообразно опираться на принципы управления сложноорганизованными гуманитарными системами, выделяемые разработчиками гуманитарных технологий: 1. Необходимо отказаться от искусственного навязывания направлений развития сложноорганизованных систем: «эффективное управление не может быть деятельностью по навязыванию своей воли коллективу или простой реакцией на сложившиеся обстоятельства». 2. Эффективность управленческой деятельности определяется не количеством затраченных ресурсов, а качественным распределением управленческого воздействия. 3. Любая сложноорганизованная система имеет в конкретной точке своего развития не один, а множество потенциальных сценариев развития. Принципиально важно для эффективного управления учитывать максимальное количество такого рода сценариев или моделей. 4. Ускоренный качественный рост системы определяется включением механизмов положительной обратной связи, приводящим к так называемым режимам с обострением [5 и др.].

Управление организационной культурой как гуманитарная технология обогащает руководителя не простым, но эффективным методом изучения и управления организацией и может рассматриваться как последовательность управленческих действий, которые представляют несколько этапов: мотивационно-информационный (включающий осознание руководителем возможностей управления с учетом организационной культуры, выявление первичных объединяющих ориентиров культуры), диагностический (выбор критериев и методов изучения организационной культуры, проведение диагностических процедур, ее оценка и анализ соответствия культуры организационным целям, ценностям, ожиданиям субъектов образования, внедряемым инновациям); проектировочный заключается в проектировании тех действий, которые позволят ей перейти из сегодняшнего состояния в желаемое: поддержание всего нужного, функционального в организационной культуре, создание благоприятных условий для проявления желаемого (в том числе нового) поведения, а также неблагоприятных условий для проявления нежелательного поведения.); направляющий (организация совместной с педагогами деятельности по проектированию и реализации организационных норм, через создание команд, делегирование полномочий, что формирует чувство сопричастности к происходящему и снижает сопротивление педагогов изменениям, а также организацию обучения педагогов при необходимости, закрепление норм административными мерами).

Итак, проанализировав проблему, мы пришли к выводу, что управление дошкольным учреждением в современных условиях представляется эффективным через применение гуманитарных технологий. Эти технологии рассматриваются как комплекс методов управления, основывающихся на гуманитарном знании и принципах управления образовательной организацией как социогуманитарной системой. Они направлены на развитие человеческих ресурсов организации и построение эффективного взаимодействия внутри и вне организации, позволяют согласовывать совокупности ценностей, смыслов, норм и правил, предопределяющих поведение людей, разрабатываются с учетом особенностей и ситуации конкретной организации. Управление организационной культурой как гуманитарная технология может рассматриваться как процесс и представляет собой целенаправленный комплекс действий руководителя, включающий мотивационно-информационный, диагностический, проектировочный и направляющий этапы. Все вышеизложенное позволяет рассматривать технологию управления организационной культурой как гуманитарную технологию, обладающую потенциалом повышения эффективности деятельности образовательного учреждения на основе экологичного использования человеческих ресурсов.

Список литературы:

1. Базаров Т. Ю., Еремин, Б. Л. Управление персоналом: Учебник для вузов/ под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2002. — 560 с.
2. Громова Л. А. Этика управления: Учебно-методическое пособие. / Л. А. Громова. — СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2007. — 183 с.
3. Гуманитарные технологии. Доклад Андрея Фурсова от 25.09.2009 [электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc>.
4. Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. Научно-методические материалы. Коллектив авторов. Российский Государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. — СПб.: 2007. — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3392>
5. Курочкин А. В. Гуманитарные технологии: проблема выбора методологических оснований от 24.08.2006 — [электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/725>
6. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ.; под ред. В. А. Спивака / Э. Х. Шейн — СПб.: Питер, 2002.

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

Бухарина Наталья Валерьевна

*ассистент кафедры управления дошкольным образованием, ФГБОУ
ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»,
г. Челябинск*

E-mail: nbuheif_5@mai.ru

В статье рассмотрены содержание деятельности руководителя по управлению организационной культурой, а также затруднения в осуществлении этой деятельности и возможные пути их преодоления.

Организационная культура является предметом исследования многих научных зарубежных и отечественных ученых и практиков (Э. Шейна, В. Сате, Г. Ховстеде, С. Йошимури, И. Оучи, С. Ханди, К. Камерона, Р. Куинна, О. С. Виханского, А. И. Наумова, А. Н. Занковского, С. А. Максименко, Т. О. Соломанидиной, В. А. Спивака, П. Н. Шихирева, К. М. Ушакова, О. А. Глущенко, и др). Учеными и практиками признано, что организационная культура оказывает большое влияние на деятельность организации, выполняя различные функции: интегрирующую (объединяющую), нормативно-регулирующую, смыслообразующую, мотивирующую, адаптационную (социализирующую), охранную (стабилизирующую, поддерживающую), инновационную и др. Поэтому изучение, осмысление и соотнесение российского и зарубежного опыта управления организацией посредством управления ее культурой применительно к специфике управления дошкольными образовательными учреждениями становится особо значимым. В отечественной практике управления организациями, в том числе дошкольными образовательными учреждениями, этот подход не получил широкого распространения, что связано с многочисленными затруднениями, возникающими у руководителей в управлении организационной культурой.

Вопрос о природе организационной культуры и возможности управления ею является спорным. Традиционно разделяются два основных подхода к пониманию природы организационной культуры [2]: рационально-прагматический и феноменологический. Представителями первого направления (Э. Шейн, И. Ансофф, Т. Питере, Р. Уотермен, Т. Дил, К. Камерон, А. Кеннеди, Р. Куинн, У. Беннис, Р. Килман, А. Агеев, М. Грачев, В. Рудницкий и др.) организационная культура рассматривается как атрибут организации, регулятор поведения работника в организации, которой можно управлять наряду с

финансами, кадровой работой и т. д. В рамках этого подхода разрабатываются различные «рецепты» формирования, развития, изменения организационной культуры. Представителями второго направления (М. Луи, Дж. Мерсье, А. Петтигрю, С. Роббинс, Д. Сильверман, П. Бергер, И. В. Катерный, С. В. Щербина и др.) организационная культура трактуется как обозначение самой сути организации. Организационная культура не рассматривается как фактор, прямо программирующий поведение индивидов в организации, но скорее как фактор, обеспечивающий условие конвенционально согласованного восприятия реальности и согласованного группового поведения людей. В последних публикациях отмечается развитие нового подхода преодолевающего крайности «чрезмерно оптимистических воззрений рационально-прагматической концепции и скептических взглядов феноменологического направления на возможности управления организационной культурой» [3, с. 65].

Анализ литературных источников показывает, что в основном, исследователи описывают управление через функции. На наш взгляд более продуктивным является подход, согласно которому управление организационной культурой рассматривается как процесс, включающий ряд этапов: мотивационно-информационный, диагностический, проектировочный и направляющий [3]. Рассмотрим подробнее содержание деятельности по управлению организационной культурой на каждом из этапов.

Начнем с описания мотивационно-информационного этапа, который включает в себя осознание руководителем внешних и внутренних факторов организационной культуры. Необходимость такого анализа обуславливается тем, что отсутствие учета силы и характера воздействия основных факторов может привести к неэффективности мероприятий по управлению организационной культурой. Большое влияние на организационную культуру оказывает руководитель: его жизненные ценности, представления об идеальной организации; образ идеальной (эффективной) организационной культуры; управленческая компетентность (информированность о сути управленческой деятельности и реализуемый стиль управления). Отметим, что регистрация этих сведений представляет для руководителя значительные трудности. Дело в том, что эти представления не всегда осознаны и воспринимаются им как нечто само собой разумеющееся. К тому же, как замечает К. М. Ушаков [5], в управленческом словаре руководителей нет слов для обозначения явлений связанных с культурой организации.

Рассмотрим содержание следующего этапа управленческой деятельности — диагностического. Необходимо отметить, что существует большое разнообразие мнений, касающихся вопросов диагностики организационной культуры. Среди них самыми обсуждаемыми

являются вопросы определения критериев (измерений) наиболее полно характеризующих организационную культуру и поиск лучших способов, инструментов ее оценки.

Различные организационные характеристики, которые исследователи предлагают использовать в качестве критериев, отражены в типологиях организационной культуры (Deal- Kennedy, С. Handy, Камерона — Куинна, Т. Ю. Базарова, В. Р. Веснина и др.). моделях, позволяющих понять влияние культуры на организационную эффективность (В. Сате, Т. Питере и Р. Уотермана, Т. Парсонса, Р. Квина и Дж. Рорбаха и др. [4, с. 555], показателях, находящихся под прямым воздействием организационной культуры: уровень текучести кадров, сроки и успешность прохождения трудовой адаптации, социально-психологический климат и т. д. Богатый выбор измерений организационной культуры и методов ее диагностики с одной стороны говорит о проработанности проблемы, а с другой — много ситуаций неопределенности. Исследователи отмечают, что все множество измерений организационной культуры изучать бессмысленно — изучать нужно только те аспекты, которые имеют отношение к некоей проблеме, целесообразно также одновременно использовать несколько инструментов оценки [6, с. 140]. Среди возможных трудностей для руководителя можно выделить: выбор из множества критериев и показателей необходимых, значительные временные затраты на проведение диагностики, сложность диагностических процедур, в некоторых случаях не всегда имеются ссылки на адаптацию и результативность применения на практике, противоречивы методологические основания, отсутствуют стандартизированные методики в конкретных подходах. Руководитель организации хорошо знаком с существующей культурой и некоторые ее аспекты воспринимаются им как должное, и потому могут быть незамеченными при анализе [5 с. 135].

Анализ текущего состояния культуры позволяет определить стратегию управления ею, принять решение о тех действиях, которые позволят перейти из сегодняшнего состояния в желательное, что соответствует проектировочному этапу управленческой деятельности. Общеприняты три стратегии управления культурой: формирование, поддержание (укрепление) и изменение. В литературе описываются также этапы проектирования организационной культуры: построение идеологических конструктов руководителя, в которых формируется организационная культура; создание в языке и символах организационной идеологии; проектирование способов продвижения сильных субкультур, укрепления существующих значимых аспектов культуры; проектирование способов изменений конкретного культурного представления в широком культурном контексте в значительном временном интервале; проектирование желательного образа

организационной культуры (представление о миссии, целях, принципах деятельности, нормах поведения) [3]. Для проектирования и успешной реализации изменений организационной культуры важно также понимание того каких усилий руководителя и ресурсов организации потребует их осуществление, каковы основные направления изменений. Анализ литературных источников позволяет говорить о том, что чем значительнее изменения, тем большее количество аспектов образовательной организации затрагивается и тем большее количество ресурсов требуется (в том числе временных) для их осуществления. При проведении изменений могут возникать трудности, которые порождаются сопротивлением изменениям. Т. Ю. Базаров [1, с. 133] отмечает, что руководителю важно понимать уровень ориентации организации на изменения, степень ее вариативности. О. С. Виханский среди причин сопротивления изменениям отмечает восприятие изменений, личностные качества, привычки, угроза власти и влиянию, боязнь неизвестного, экономические причины, ограниченность ресурсов и т. д. [4, с. 588]. В связи с этим перед руководителем возникает задача проектирования мероприятий по преодолению сопротивления изменениям. Успешному проведению изменений способствуют: выявление возможности сопротивления, компетентное лидерство (нужно быть не только компетентным руководителем, но и обладать лидерскими навыками), осознание необходимости изменений сотрудниками организации, улучшение коммуникаций и высокий уровень вовлеченности работников в процесс изменений. Еще одним «критическим фактором успеха преобразований» отмечается то, что преобразования руководство компании должно начинать с себя [1, 4, 6]. Особое внимание следует уделять психологическому обеспечению внедрения изменений: привлечение внимания к необходимости изменений; организацию процесса получения конкретных предложений от сотрудников организации и поддержку активных сотрудников, подающих такие предложения; создание неофициальной информационной сети распространения информации о проводящихся изменениях; учет при подготовке информации, способах презентации материалов особенности и личностные характеристики педагогов; учет продуктивных возражений, возникающих у педагогов, адаптирование программы изменений с учетом возникающих затруднений.

В результате исполнения предыдущих этапов возникает содержание направляющего этапа. Этот этап оказался наименее распространенным в литературе, но умозрительные представления не обеспечивают успешности деятельности. Из немногочисленных работ мы можем опереться на работы С. А. Белоусовой, в которых направляющий план включает: организацию совместной деятельности

по проектированию организационной культуры; организацию социального взаимодействия с учетом норм субъектогенеза; организацию группового обучения; закрепление организационных норм административными мерами. Существуют два способа воздействия на развитие организационной культуры [4, с. 561]: «сверху», т. е. когда руководство определяет, какой должна быть философия практики управления, исходя из этого, руководители предприятия намечают конкретные методы формирования эффективной организационной культуры. Другая стратегия заключается в активном привлечении участников организации к анализу и проектированию организационной культуры, что способствует выработке наиболее эффективных мероприятий, формирует чувство сопричастности к происходящему и снижает сопротивление персонала, а также способствует не только повышению квалификации каждого педагога, но и стимулирует развитие всего коллектива. Проектирование организационной культуры требует организации совместной деятельности. Наиболее перспективным для развития организации считается использование группового ресурса, который проявляется в совместно-творческой деятельности, которая предполагает «сотворчество» — такой тип деятельности, в котором каждый является равноправным создателем нового. Совместно-творческая деятельность предполагает создание команд. В последнее время команды рассматриваются как эффективный способ повышения эффективности управленческого труда и организации в целом [1, с. 36; 5, с. 156]. Командные формы управления реализуются в целях решения проблем и подготовки рекомендаций, непосредственного изготовления чего-либо, а также управления процессом. Командный менеджмент основан на процессе делегирования полномочий. Активность участников группы — высокая (группа вырабатывает и принимает решения), а роль администратора (руководителя) сводится к созданию необходимых условий, определению границ пространства решения и совету в затруднительной ситуации. При таком подходе снижается сопротивление персонала изменениям, решения, принимаемые самими участниками, охотнее исполняются. Как видно из проведенного анализа организация совместной деятельности через создание команд имеет ряд преимуществ. Но также можно определить некоторые возможные трудности для руководителя: во-первых, затруднения в делегировании полномочий (из-за боязни некачественного исполнения); во-вторых, по замечанию К. М. Ушакова команды должны быть «верно подобраны» и «верно управляемы», а это требует «чрезвычайно высокой и достаточно специфичной квалификации руководителя» [5, с. 160].

Еще одним компонентом направляющего этапа является организация группового обучения — доподготовка, обучение руково-

дителей и педагогов образовательного учреждения. Успешное проведение учебных мероприятий предполагает осуществление руководителем ряда подготовительных этапов: постановку целей обучения в соответствии с планами организации на определенный период; определение структуры персонала и политики в отношении каждой категории (в соответствии с целями образовательного учреждения); анализ потребности в обучении; выбор форм и методов обучения; выбор провайдера (ведущего) обучения. Обучать можно весь коллектив или отдельных сотрудников. Обучение всей организации может встретить сильное сопротивление и потребовать значительных ресурсов от организации (финансовых, временных), поэтому целесообразнее обучать группу педагогов, затем распространяя новое во всей организации, но если обучение этой группы проводится вне организации, то по «возвращении» педагогов оно может нивелироваться остальными, поэтому целесообразно проводить обучение внутри учреждения (без отрыва от производства) [1; 5]. Проектируемые изменения должны быть отражены в нормативных документах.

Итак, анализ содержания деятельности руководителя позволяет сделать вывод о том, что в управлении организационной культурой для руководителя существует ряд трудностей, которые обусловлены сложностью феномена организационной культуры и различием подходов к управлению ею с одной стороны, с другой — недостаточной профессиональной компетентностью руководителя. Решением данного противоречия на наш взгляд является оказание руководителю поддержки в управлении организационной культурой.

Список литературы:

1. Базаров Т. Ю., Еремин Б. Л. Управление персоналом: учебное пособие / Т. Ю. Базаров, Б. Л. Еремин. — М.: ЮНИТИ, 1998.
2. Барков С. А. Социология организаций: учебное пособие / С. А. Барков. — Издательство МГУ, 2004 — 288 с.
3. Белоусова С. А. Психологическое обеспечение управления педагогическим персоналом образовательной организации: учебное пособие / под. ред. Г. Г. Гореловой. — Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. — 319 с.
4. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент : учебник / О. С. Виханский, А. И. Наумов.— 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономистъ, 2006. — 670 с.
5. Ушаков К. М. Ресурсы управления школьной организацией [электронный ресурс] — Режим доступа: - URL: <http://book.direktor.ru>
6. Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ.; под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002.

БАНКОВСКИЙ СЕКТОР В РБ В ПЕРИОД ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Галстян Арман Ваграмович

студент 5 курса факультета Международных экономических отношений, УО «БГЭУ», г. Минск, Беларусь

E-mail: zamanak@yandex.ru

Шмарловская Галина Александровна

д-р экон. наук, проф., УО «БГЭУ», г. Минск, Беларусь

Необходимость интеграции банковской системы Республики Беларусь в мировое банковское сообщество обусловлена целым рядом причин, однако из числа основных следует выделить задачу привлечения финансовых ресурсов на международных рынках. Интеграция национальной банковской системы в мировую экономику не является самоцелью, но служит важнейшим фактором усиления геополитических позиций республики.

Актуальность проблемы межбанковской интеграции подтверждается тем фактом, что согласно Стратегии развития банковского сектора экономики Республики Беларусь на 2011—2015 годы, утвержденной Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 03.03.2011 № 73, развитие банковской системы предполагает расширение состава и объема, улучшение качества банковских услуг, повышение доверия к банкам со стороны национальных и иностранных инвесторов, вкладчиков и населения республики, интеграцию банковского сектора нашей страны в региональные, мировую банковскую и финансовую системы. Помимо этого, в соответствии с основными положениями Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011—2015 годы развитие финансового рынка предполагает активное привлечение внешних ресурсов, что возможно только при достаточной степени его интеграции в мировую экономику [5].

Однако, как показывает международный опыт, зарубежный капитал оказывает противоречивое влияние на банковский сектор принимающих стран. С одной стороны, присутствие зарубежных банков усиливает конкуренцию на национальном рынке, повышает его эффективность за счет внедрения новых технологий и совершенствования финансовых продуктов и услуг. Но в то же время стратегические приоритеты зарубежных банков и их дочерних структур могут не совпадать с национальными интересами государства присутствия.

Превалирование зарубежных банков на рынке может нивелировать преимущества международной конкуренции и еще больше усилить зависимость национальной экономики от колебаний на миро-

вом финансовом рынке. Это особенно критично в период мирового финансово-экономического кризиса, а также посткризисный период.

Процесс глобализации мировой экономики повлиял на качественную трансформацию характера и структуры международного финансового рынка, который ранее представлял собой совокупность отдельных национальных рынков. В процессе интеграции финансовый сектор проявляет высокий динамизм: формируются транснациональные финансовые консорциумы, международные банковские группы, включающие в себя десятки и сотни банковских учреждений по всему миру с активами, исчисляемыми десятками миллиардов долларов США. Банки все активнее проводят операции за рубежом, что находит свое отражение в таких областях межбанковского сотрудничества, как международные корреспондентские отношения и организация совместного финансирования.

Анализ объектов и характеристик интеграционных процессов позволяет выделить два основных направления интеграции национальных банковских систем.

1. Интеграция на уровне собственного капитала банков, что подразумевает процесс объединения уставного капитала банков путем слияний и поглощений, образования транснациональных банков, создания международных банковских групп, учреждения представительств и дочерних банков.

2. Интеграция на уровне финансовых ресурсов, включающая выдачу межбанковских кредитов, организацию синдицированных займов, открытие корреспондентских счетов (типа ЛОРО/НОСТРО), покупку банковских облигаций, участие в совместных инвестиционных проектах и т. д. [4, с. 56].

Интеграция посредством образования транснациональных банков и международных банковских групп и повышение их роли в процессе консолидации банковского и промышленного капитала — одна из наиболее важных и актуальных тенденций в мировой экономике.

Когда интересы транснационального капитала совпадают с интересами определенных национальных государств, транснациональные банки обеспечивают им значительные и даже решающие конкурентные преимущества на мировом рынке. Страны с развитой рыночной экономикой активно поддерживают собственные транснациональные компании и банки, которые, в свою очередь, создают условия для поступления налоговых средств от широкой международной деятельности, а также для расширения их экономического, а затем и политического влияния, помогают установить контроль над экономикой некоторых зарубежных государств.

Следует отметить, что развитие банками взаимных корреспондентских отношений продиктовано, прежде всего, необходимостью осуществления расчетных функций в интересах своей клиентуры.

Часто открытие счетов ЛОРО/НОСТРО отражает именно запросы по интеграции национальных экономик.

Чем больше хозяйствующие субъекты на территории различных государств зависят друг от друга, чем чаще у них возникает необходимость в трансграничных расчетах, тем активнее банки будут развивать корреспондентские отношения в интересах клиентов. Кроме того, чем активнее банки используют систему собственных корреспондентских отношений, проводя расчетные операции, и для обеспечения достаточного уровня ликвидности рассчитывают на привлечение межбанковских кредитов от банков других стран, тем в большей степени национальные банковские системы превращаются из разрозненных сегментов в единую сплоченную финансовую систему.

В такой системе, вне зависимости от степени трансграничного переплетения банковского капитала, развивается взаимозависимость банков.

Транснациональные банки (ТНБ) играют важнейшую роль в процессе межбанковской интеграции. Они являются как показателем интегративных процессов, так и их мощнейшим двигателем. Процесс концентрации банковской мощи превратил транснациональные банки в универсальные банковские комплексы. Внутри них постепенно стираются грани между коммерческими, инвестиционными банками, страховыми и другими учреждениями финансовой сферы. При этом структура транснациональных банков достаточно сложная.

Выходя на новый зарубежный рынок, ТНБ должен сразу определить, в какой организационно-институциональной форме он это осуществит. Данное решение очень важно для дальнейшей деятельности транснационального банка и принимается в соответствии с его стратегией. Можно выделить следующие организационно-институциональные формы присутствия транснациональных банков:

1. Образование неоперационного подразделения за рубежом (представительского офиса или просто представительства) для осуществления преимущественно управленческих и маркетинговых функций для головного банка, которые носят в основном информационный, контактный, рекламный и имиджевый характер.

2. Образование международного департамента (валютного или внешнеэкономического управления) в офисе штаб-квартиры ТНБ в своей стране, установление корреспондентских отношений со специально отобранными банками-соседями за рубежом и проведение международных операций через корреспондентские межбанковские каналы.

3. Учреждение операционного отделения за рубежом в той или иной доступной для ТНБ организационной форме (заграничного филиала, агентства, дочернего или совместного банка) для осуществления полной или ограниченной деятельности на территории пребывания и для международных операций.

Каждая из этих организационных форм имеет свои преимущества и недостатки. Транснациональный банк должен стремиться рационализи-

ровать свою международную финансовую сеть, состоящую из того или иного набора перечисленных выше организационных подразделений, с целью эффективного выполнения заявок корпоративных, правительственных, банковских или индивидуальных клиентов, а также для эффективного осуществления валютно-финансовых операций за собственный счет.

Несмотря на снижение финансовой активности в условиях мирового финансово-экономического кризиса, крупнейшие банки мира, представленные, прежде всего, такими продуктами межбанковской интеграции, как транснациональные банки и международные финансовые группы, в основном сохранили свои позиции на международном финансовом рынке [3].

Характеризуя степень интеграции банковской системы Республики Беларусь в мировую экономику, можно использовать следующие данные. На 01.01.2012 в нашей стране действовал 31 банк. Из них 26 — с участием иностранного капитала, в том числе 9 — со 100 %-ным иностранным капиталом, 14 — с иностранным участием свыше 50 % и 8 банков — с иностранным капиталом менее 50 % [2]. На территории Республики Беларусь находилось 9 представительств иностранных банков России, Украины, Литвы, Латвии и Германии.

Совокупный уставный фонд банков за 2011 год увеличился на 15 625,5 млрд. руб., или в 2,3 раза, и на начало 2012 года составил 27,6 трлн. руб., или порядка 3,31 млрд. долл. США. Объем нормативного капитала банковского сектора на начало 2012 года составил 37,4 трлн. руб., увеличившись за 2011 год почти на 19,8 трлн. руб., или в 2,1 раза [2]. Основными источниками роста собственного капитала стали рост прибыли и фондов, сформированных за счет прибыли и инвестиций в уставные фонды банков.

Характеризуя деятельность банковского сектора Республики Беларусь в 2009—2011 гг., можно выделить такие общие тенденции, как:

- ухудшение макроэкономических показателей в стране в целом, а также платежеспособности ряда экономических субъектов в частности, что негативно отразилось на качестве активов банков;
- усиление сотрудничества Республики Беларусь и Международного валютного фонда (МВФ), оказавшего влияние на монетарную политику в республике, а также на возможности отдельных субъектов рассчитаться по обязательствам в будущем;
- высокий уровень поддержки системообразующих банков государством, что способствовало стабилизации и поддержанию приемлемого уровня их платежеспособности;
- стремление к сохранению доверия населения к национальной банковской системе и, соответственно, сохранению ресурсной базы в банковском сегменте;

- усиление регуляторных мер для минимизации валютных рисков банковского сектора страны, в том числе и за счет ограничения кредитования населения.

Если говорить о влиянии иностранного капитала на банковскую систему республики, можно отметить следующее. Доля иностранных инвестиций в совокупном уставном фонде банков нашей страны на 01.01.2012 составила 14,5 %, сократилась на 9,7 процентных пункта, в первую очередь за счет существенной девальвации национальной валюты, а также капитализации системообразующих банков за счет средств бюджета — ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белагропромбанк».

Национальным банком Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь был установлен норматив, характеризующий максимальное значение квоты участия иностранного капитала в банковской системе государства. Эта квота рассчитывается как отношение суммарного капитала, принадлежащего нерезидентам в уставных фондах банков с иностранными инвестициями, и уставного фонда дочерних банков иностранных банков к совокупному уставному фонду банков, зарегистрированных на территории Республики Беларусь.

Согласно постановлению Правления Национального банка Республики Беларусь от 01.09.2008 № 129 «О размере (квоте) участия иностранного капитала в банковской системе Республики Беларусь» данный норматив установлен в размере не более 50 %. Причем квота была увеличена двукратно с 25 %, что стало своего рода сигналом международному инвестиционному сообществу о заинтересованности нашей страны к более активному сотрудничеству с иностранными инвесторами на отечественном финансовом рынке.

Целесообразно оценивать степень присутствия иностранных инвесторов в национальной банковской системе как часть от общего объема инвестиций, полученных из-за рубежа. Интегральным показателем состояния инвестиционных потоков, как исходящих из Республики Беларусь, так и входящих в нее, является международная инвестиционная позиция [1]. Проанализировав динамику основных показателей международной инвестиционной позиции Республики Беларусь, можно выделить следующие тенденции:

1. Начиная с 2006 года значение чистой международной инвестиционной позиции нашей страны уменьшалось (то есть государство является безусловным «чистым должником»).

2. Наблюдалось воздействие двух факторов: снижение темпов роста иностранных активов (с 2008 года) и резкий скачок вверх относительно обязательств перед нерезидентами с 2007 года.

3. Как следствие первых двух тенденций — резкий рост объема внешнего долга Республики Беларусь (с 2007 года).

Оценивая динамику участия иностранного капитала за 2008—2010 гг., следует отметить, что доля иностранного капитала в банковском секторе республики возросла почти в три раза. Повышение интереса

иностранных инвесторов к финансовому сектору нашей страны обусловило также рост количества банков, контролируемых иностранным капиталом, при одновременном уменьшении доли государственных органов и юридических лиц, основанных на государственной форме собственности.

Приток иностранного капитала создал условия для более стабильной работы банковской системы в 2011 году, позволив поддержать реальный сектор экономики по всем направлениям. Приход в банковский сектор иностранных стратегических инвесторов положительно сказался на росте капитала банков, расширении состава и повышении качества услуг, предоставляемых банками клиентам из нефинансового сектора экономики, а также населению.

Обобщая изложенное выше, следует отметить, что интерес иностранных инвесторов к банковскому бизнесу в Республике Беларусь в последние годы заметно повысился с учетом благоприятных изменений законодательства и устойчивого развития экономики страны. Приход новых инвесторов не только обеспечивает рост уставного фонда и капитала банков, но и создает дополнительные возможности увеличения объемов привлекаемых средств (при содействии инвесторов), компенсируя тем самым уменьшение заимствований на финансовых рынках, подверженных кризису. При этом в случае возникновения неблагоприятных ситуаций банки, принадлежащие крупным зарубежным финансовым корпорациям, могут рассчитывать на действенную поддержку со стороны своих основных акционеров.

Список литературы:

1. Аксаков, А. Г. Консолидация в банковском секторе: финансовый кризис и новое финансовое законодательство // Финансы и кредит. — 2008. — № 48. — С. 68—74.
2. Бюллетень банковской статистики, № 1 (151) — 2012. — 255 с.
3. Горелая, Н. В. Оценка и анализ экономических эффектов при банковских слияниях и поглощениях // Управление корпоративными финансами. — 2007. — № 4. — С. 41—49.
4. Еремеева, И. А. Республика Беларусь на пути вхождения в международный рынок ссудных капиталов / Под научн. ред. Медведева В. Ф.; Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси». — Минск: Право и экономика, 2006. — 115 с.
5. Итоги выполнения Основных направлений денежно-кредитной политики Республики Беларусь за 2011 год и задачи банковской системы по их реализации в 2012 году. Доклад Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Н.А. Ермаковой на расширенном заседании Правления Национального банка Республики Беларусь // Банкаўскі веснік. — 2012. — № 4. — С. 3—7.

СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Горшкова Елена Борисовна

аспирантка, МГПИ, г. Москва

E-mail: g-d060275@mail.ru

Предмет нашей гордости в прошлом — большой объём фактических знаний — в изменившемся мире потерял свою ценность, поскольку любая информация быстро устаревает. Необходимым становятся не сами знания, а знания о том, как и где их применять. Но ещё важнее знание о том, как информацию добывать, интерпретировать, или создавать новую. И то, и другое, и третье — результаты деятельности, а *деятельность* — это решение задач. Таким образом, желая сместить акцент в образовании с усвоения фактов (результат — знания) на овладение способами взаимодействия с миром (результат — умения), ученые приходят к осознанию необходимости изменить характер учебного процесса и способы деятельности учащихся.

В отечественной психолого-педагогической науке глубоко и всесторонне разработан культурно-исторический системно-деятельностный подход, который основывается на теоретических положениях концепции Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина. Деятельностный подход строится на положении о том, что психологические способности человека есть результат преобразования внешней предметной деятельности во внутреннюю психическую деятельность путем последовательных преобразований.

В настоящее время системно-деятельностный подход реально приходит в образование. Он является определяющим для основной образовательной программы начального общего образования, и его содержание раскрыто в федеральном государственном образовательном стандарте. Создавая, вслед за советскими учеными, А. Г. Асмолов пишет: «Задача системы образования состоит не в передаче объема знаний, а в том, чтобы научить учиться. При этом становление учебной деятельности означает становление духовного развития личности. И по сути дела мы идем по пути от действий к фундаментальному ядру образования. Дать способы культурного мышления — вот что необходимо сделать сегодня в мире, где поток информации безграничен» [1]. Таким образом, системно-деятельностный подход нацелен на развитие личности, на формирование гражданской идентичности, указывает и помогает отследить

ценностные ориентиры, которые встраиваются в новое поколение стандартов российского образования. Из пассивного потребителя знаний учащийся становится активным субъектом образовательной деятельности. Параллельно с освоением деятельности ученик сможет сформировать свою систему ценностей, поддерживаемую социумом.

Однако знание общественных норм и ценностей не является гарантией того, что человек готов им добровольно следовать в различных обстоятельствах жизни. Для становления положительного отношения к ценностям необходим опыт их эмоционального переживания и рефлексии. В школе такой опыт переживания может возникнуть у учащегося в процессе взаимодействия:

- *с педагогом* — приобретение школьником социального знания об общественных нормах, об устройстве общества, о социально одобряемых и неодобряемых формах поведения в обществе и т.д.);
- *с дружественной детской средой (коллективом)* — получение школьником опыта переживания и позитивного отношения к базовым ценностям общества;
- *с социальными субъектами* — получение школьником опыта самостоятельного общественного действия [1].

Важно понимать, что каждому уровню воспитательного результата соответствует своя образовательная форма, форсирование результатов недопустимо.

Современным педагогам дана возможность самим моделировать и реализовывать воспитательную деятельность, адекватную природе детства, национальным и культурным традициям. Хочется подчеркнуть, что работа по воспитанию у младших школьников ценностного отношения к жизни является одним из основополагающих направлений деятельности педагога и поэтому требует особой осознанности и ответственности, владения формами деятельности. Применительно к организации пространства воспитания и социализации младшего школьника, пространства его духовно-нравственного развития системно-деятельностный подход имеет свои особенности.

Первая заключена в том, что воспитание как деятельность принципиально не может быть локализовано или сведено к какому-то одному виду, но должно охватывать и пронизывать собой все виды образовательной деятельности: учебной (в том числе в границах разных образовательных дисциплин), учебно-трудовой, художественной, коммуникативной, спортивной, досуговой и др. Устойчивое развитие воспитательных результатов внеурочной деятельности предполагает прохождение следующих уровней:

- приобретение ребенком социального знания (*первый уровень результатов*);
- переживание им ценности этого знания, формирование положительного отношения к базовым общественным ценностям (*второй уровень результатов*);
- приобретение ребёнком опыта самостоятельного общественного действия (*третий уровень результатов*) [2].

Для принятия ценностей важна системная организация различных видов нравственно-ориентированной деятельности младшего школьника в образовательном учреждении. Системно-деятельностный подход отвергает попытки локализовать воспитание в границах отдельных учебных предметов или образовательной области, как-то: «Духовно-нравственная культура», «Этика», «Азбука нравственности» и т. д. Последние необходимы как компоненты единого системно-деятельностного пространства духовно-нравственного развития ребенка.

Вторая особенность применения системно-деятельностного подхода обусловлена утратой семьей и школой монополии на воспитание и социализацию ребенка. На него, а также на родителей и учителей оказывают мощное воспитательное и социализирующее влияние (не всегда позитивное) СМИ, Интернет, телевидение, иные источники информации, религиозные и общественные организации, молодежные сообщества и др. Уже в младшем школьном возрасте растущий человек тем или иным образом включен в различные виды социальной, информационной, коммуникативной активности, в содержании которых присутствуют разные, нередко противоречивые ценности и мировоззренческие установки. Современный процесс воспитания и социализации полисубъектен. Системно-деятельностный подход учитывает это и предусматривает, что деятельность различных субъектов воспитания и социализации, при ведущей роли общеобразовательной школы, должна быть по возможности согласована.

Все субъекты воспитания: семья, педагоги, коллектив, этнические сообщества, общественные организации, СМИ — в процессе взаимодействия, становятся целостной, единой системой, оказывающей влияние на личность.

Воспитательный эффект внеурочной деятельности — влияние того или иного духовно-нравственного приобретения на процесс развития личности ребенка (последствие результата). Выстраивая формы и содержание внеурочной деятельности школьников педагоги должны обеспечить устойчивый воспитательный результат внеурочной деятельности — непосредственное духовно-нравственное

приобретение ребенка благодаря его участию в том или ином виде внеурочной деятельности [2].

Изыскивая способы формирования у учащихся целостной картины мира, преодолевая предметоцентризм, думаем, что наиболее полно компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире (ценности бытия, жизни; ценности культуры и науки; производства; истории цивилизаций, собственной страны; религии) реализуются педагогами в неформальном образовании через интеграцию основного и дополнительного образования и вовлечение школьников в проектную деятельность, которая возникла как форма и средство практического и наглядного обучения естественным наукам.

Таким образом, системно-деятельностный подход выступает методологической основой организации уклада школьной жизни. Также он позволяет понять, что представляют собой воспитание и социализация в структурно-методологическом плане. Это не рядоположенный вид социально-педагогической деятельности. Это метадеятельность, педагогически интегрирующая различные виды деятельности, в которые объективно включен младший школьник посредством усвоения идеалов, ценностей, нравственных установок, моральных норм, достигается согласование аксиологического и системно-деятельностного подходов к организации пространства духовно-нравственного развития младшего школьника.

Список литературы:

1. Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения / А. Г. Асмолов // Педагогика. — 2009. — № 4. — С. 18—22.
2. Григорьев Д. В. Организация внеурочной деятельности на ступени начального общего образования [Электронный ресурс] URL: <http://fgos.isiorao.ru/conference/index.php> (дата обращения: 12.04.2012).
3. Григорьев Д. В., Степанов П. В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор. — М.: Просвещение, 2010. — С. 223.

КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК ИМПЕРАТИВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Дианова Вероника Александровна

ст. преподаватель, ЮИМ, г. Краснодар

E-mail: baron@mail.kuban.ru

Результативность реализации стратегии саморазвития города в значительной мере определяется позицией органов городского самоуправления, деятельность которых должна быть направлена на создание необходимых условий и принятие конкретных мер, направленных на достижение стратегических ориентиров и целей социально-экономического развития города. Императивом стратегического планирования, определяющего перспективы городского пространства должна быть Концепция социально-экономического развития города [1].

После разработки стратегии саморазвития и целевого блока следующий шаг — определение частных стратегий, положений социально-экономической политики и ресурсного обеспечения, т. е. разработка концептуальных основ реализации стратегического замысла и поставленных целей. Таким образом, Концепция в завершенном виде уже содержит элементы механизма реализации стратегии саморазвития города.

Следует отметить, что необходимо рассмотрение и одобрение Концепции исполнительными и представительными ветвями власти городского самоуправления, что позволит решать задачи комплексного развития города, принимать обоснованные управленческие решения, исходя из принятого местным сообществом стратегического выбора.

Концепция как документ, содержащий принципиальные положения, т. е. носит рамочный характер, предполагает дальнейшую конкретизацию намерений и действий городской власти на основе программно-целевого подхода. Речь идет о разработке муниципальной программы комплексного социально-экономического развития города. В современных условиях такую программу можно определить как прогнозно-аналитический документ, содержащий совокупность увязанных по ресурсам, исполнителям и срокам мероприятий, направленных на достижение намеченных целей социально-экономического развития города в рамках определенной социально-экономической политики.

Поскольку программа может включать мероприятия, о необходимости практической реализации которых приняты соответствующие решения (постановления, указы) органов государственной власти и

управления, местного самоуправления, то в этой части она носит директивный характер. Выступая в качестве одного из важнейших элементов нового механизма управления, программа способствует рациональному сочетанию государственных, ведомственных и территориальных интересов в процессе решения широкого круга проблем территориального развития.

Существуют вполне обоснованные опасения, что логика программных работ может войти в противоречие с интересами их отдельных участников. В связи с этим рассмотрим те принципиальные изменения, которые должны быть учтены теорией и практикой территориального программного планирования в условиях нового механизма хозяйствования.

Предоставление предприятиям и всем другим субъектам хозяйствования подлинной самостоятельности в производстве и реализации продукции (товаров, услуг) предполагает установление между ними и местными органами управления партнерских экономически взаимовыгодных отношений. Применительно к территориальному планированию это означает, в частности, что все участники программных работ имеют свободу выбора партнеров, гарантии возможности осуществления любого экономически выгодного им маневра при условии, что это не повлияет на нарушение временной логики в достижении намеченных целей и приоритетов развития территории.

Своеобразным демпфером возможных разногласий при столкновении интересов реализации программы и отдельных участников программных работ должны выступать органы местного самоуправления. Они могут и должны использовать всю гамму возможных воздействий на участников программных работ, не отступая, конечно, от соблюдения отмеченного выше принципа партнерства.

В общем случае комплексная программа социально-экономического развития города имеет систему целей, включающую главную цель и специфические «внутренние» и «внешние» цели, вытекающие из стратегии саморазвития местного сообщества [2]. Главная цель программы состоит в разработке системы мер по достижению намеченных ориентиров развития города, результатом которой будет существенное улучшение качества жизни населения, обеспечение вклада его в решение общегосударственных и межрегиональных проблем, вытекающих из принятой (перспективной) системы территориального разделения труда.

«Внешние» цели программы обусловлены необходимостью участия города в решении проблем социально-экономического

развития федерального и регионального характера и определяются в рамках общенациональных и межтерриториальных программ с учетом задач, стоящих перед страной в целом, субъектами РФ.

«Внутренние» цели программы вытекают, в конечном счете, из необходимости улучшения качества жизни населения города. Разработка наиболее важных из них осуществляется в рамках формирования концепции социально-экономического развития города [2].

Формирование комплексной стратегии социально-экономического развития города основывается на следующих основных принципах:

1. целенаправленности,
2. комплексности,
3. эффективности,
4. социальной приоритетности,
5. преемственности,
6. управляемости,
7. гласности.

Ведущим является принцип целенаправленности, из которого следует, что исходным звеном составления программы является выбор и обоснование системы качественно и во времени определенных целей [2].

Принцип комплексности означает соблюдение ряда требований, основными из которых являются следующие. Во-первых, комплексность связана с необходимостью учета при разработке программы совокупности социальных, экономических, экологических, градостроительных факторов развития города. Во-вторых, комплексность программы проявляется в обеспечении сбалансированности интересов всех участников программных работ. В-третьих, соблюдение принципа комплексности требует увязки программных мероприятий по исполнителям, ресурсам и срокам их осуществления.

Принцип эффективности означает, во-первых, что в результате реализации программа должна иметь экономическую эффективность не ниже уровня, принятого для хозяйственного комплекса города в целом. Во-вторых, такая программа является, по существу, крупным инвестиционным проектом, который должен быть финансово состоятельным.

Следование *принципу социальной приоритетности* означает приоритет целей, связанных с улучшением качества жизни местного сообщества, над другими программными целями развития города.

Принцип преемственности означает, что разработчики программы должны опираться в своей деятельности на стратегические целевые ориентиры и приоритеты регионального развития, направления и механизмы достижения перспективных целей, изложенные в принятой

представительными органами местного самоуправления концепции развития города.

Реализация *принципа управляемости* программой предполагает создание специального организационного аппарата и необходимых организационно-методических документов, регламентирующих порядок и определяющих персональную ответственность участников программных работ.

Принцип гласности предусматривает необходимость привлечения к рассмотрению и экспертизе проектов программных документов и результатов их реализации ученых и специалистов, представителей различных профессиональных групп и общественности, информирование населения о ходе программных работ.

Результатом реализации комплексной стратегии социально-экономического развития города в сфере экономики могут стать: повышение инвестиционной привлекательности города и рост привлеченных инвестиций за счет создания благоприятных условий для инвесторов; активизация малого и среднего предпринимательства; дальнейшее развитие потребительского рынка и сферы услуг; повышение эффективности работы муниципального сектора экономики; формирование в России и за рубежом позитивного образа города.

В жилищно-коммунальном комплексе и инфраструктуре более активно будут решаться проблемы развития градостроительства, дорожно-транспортной сети, городского пассажирского транспорта, систем жилищно-коммунального комплекса, улучшения в целом качества всей городской среды.

Претерпит изменения и муниципальное управление за счет усиления информационного взаимодействия органов местного самоуправления с населением, организациями города на базе официального сайта Администрации в сети «Интернет»; построения единой автоматизированной информационной системы поддержки деятельности органов местного самоуправления; повышения эффективности функционирования социальных сфер и систем обеспечения жизнедеятельности города.

Список литературы:

1. Малышенко В. А. Приоритетные направления развития Краснодарского края в рамках реализации стратегических целей. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://russian-scientists.ru/>
2. Основные итоги социально-экономического развития муниципального образования город Краснодар в январе — марте 2011 года. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.krd.ru/>

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ И УСПЕХА КЛАСТЕРНЫХ ИНИЦИАТИВ В ТУРИЗМЕ

Молчанова Вера Александровна

*канд. экон. наук, ст. науч. сотр., Сочинский научно-исследовательский
центр Российской Академии наук, г. Сочи*

E-mail: veramolchan@mail.ru

В ближайшие годы пространственная организация туристской сферы в нашей стране будет определяться формированием целого ряда региональных и локальных кластеров. Кластеры (в экономической теории) рекомендованы как современная организационная форма, способствующая кооперации, стратегически согласованной деятельности предприятий и организаций, переходу на инновационный путь развития инноваций и росту международной конкурентоспособности [7, с. 100; 8, с. 26—27].

Кластер в туризме — экономический комплекс предприятий и организаций, сконцентрированный на территории туристского региона (города, местности), участники которого: а) связаны в единой цепочке создания ценности туристского продукта; б) имеют единый механизм управления экономической деятельностью.

Кластер может формироваться естественным образом, по рыночным законам. При этом развитие ассоциативных форм взаимодействия предприятий, совместные проекты, формирование предпринимательских сетей постепенно увеличивают степень регулирования и согласованности в рыночном механизме управления, в общих интересах участников экономической деятельности. Развитие кооперации и выработка стратегий по типу «следование за лидером» ускоряется, если на региональные рынки приходят глобальные игроки. Как правило, именно они берут на себя инициативу организации согласованной деятельности в цепочке создания ценности турпродукта [7, с. 108], а также организационные, маркетинговые расходы, связанные с «бременем лидерства».

Искусственно созданный кластер — это проект, который создается «сверху вниз», по инициативе региональных или федеральных властей [1—5]. В его формировании экономически участвует государство, выделяя значительные бюджетные средства. В туристских кластерах государство берет на себя, прежде всего, обустройство территории, строительство дорог и прочей инфраструктуры, а также участие в других проектах, на основе государственно — частного финансирования.

Актуальной проблемой для кластерных инициатив является оценка не только экономической эффективности капиталовложений, но и степени достижения иных целей, — перехода предприятий на инновационный путь развития, роста международной конкурентоспособности.

Установление ряда параметров, сверх обычного бухгалтерского и статистического учета, по которым возможно отслеживать результаты деятельности в критических областях, является необходимым для управляющей организации в туристском кластере. Важность этой деятельности отмечается и руководством Российского союза туриндустрии, — «повышение эффективности государственного регулирования в сфере туризма, равно как и решений, принимаемых на уровне внутрифирменного управления, невозможно без совершенствования системы соответствующих показателей, методологии и методики статистического учета и отчетности» [6, с. 45].

Анализ может быть как количественным, так и качественным. Количественный анализ использует статистические показатели, тренды, вариабельность показателей в связи с сезонностью, что актуально для туризма. Качественный анализ может включать индикаторы развития партнерских отношений, инноваций, человеческого капитала и компетенций на предприятиях, входящих в кластер (рис. 1).

Помимо экономических результатов, постоянно используемых при оценке, — показателей прибыли, рентабельности, роста валового продукта, роста занятости (см. рис. 1), выводы о степени экономического успеха кластерной инициативы можно сделать на основе анализа количественных показателей работы за ряд лет:

а) темпы роста совокупного производства турпродукта на территории деятельности кластера, темпы роста въездного туризма, в том числе международных туристических потоков;

б) изменение доли рынка (ранжирование на основе маркетинговых исследований и ежегодных показателей Всемирной туристской организации ООН);

в) показатели роста средней (чистой) прибыли на общую стоимость активов, прибыли на собственный капитал и прибыли на объем продаж.

Рисунок 1. Возможные показатели деятельности кластера в туризме

Качественными индикаторами успеха и степени развития могут служить показатели, выражающие способность кластера:

- осуществлять инвестиции в модернизацию и создание новых технологий;
- создавать новые турпродукты (услуги) и предлагать их рынку;
- осуществлять совместные научные исследования и деловые проекты, единое стратегическое управление кластером;
- кооперироваться в единой цепочке создания стоимости турпродукта, вырабатывать и применять единую стратегию ценообразования, совместно регулировать уровень цен;
- переходить на международные стандарты (качества, «зеленые» стандарты);
- организовать постоянно действующую систему управления знаниями; структуры профессиональной подготовки работников и обмена опытом между предприятиями; развивать компетенции персонала.

В научной литературе выделяют ряд общих характеристик, которые существенно влияют на успех развития кластеров (рисунок 2). На основании анализа литературы и частоты упоминания можно разделить факторы успеха на три группы:

- 1) Критические факторы успеха;
- 2) Дополнительные факторы;
- 3) Сопутствующие факторы.

К критическим факторам успеха кластерных инициатив относят:

- Наличие функционирующих сетей и партнерства;
 - Мощную инновационную базу, которая обеспечивает проведение НИР;
 - Высокий уровень компетенций и умений трудовых ресурсов.
- Четыре дополнительных фактора также вносят существенный вклад в благополучное развитие вновь сформированного кластера:
- Адекватная физическая инфраструктура;
 - Присутствие крупных фирм;
 - Сильная предпринимательская культура;
 - Доступ к источникам финансирования.

И, наконец, в научной литературе отмечаются факторы, сопутствующие благополучному развитию кластера, — доступ к рынкам, информационная доступность, услуги бизнес-поддержки, рыночные условия: лидерство, конкуренция, внешние экономические влияния.

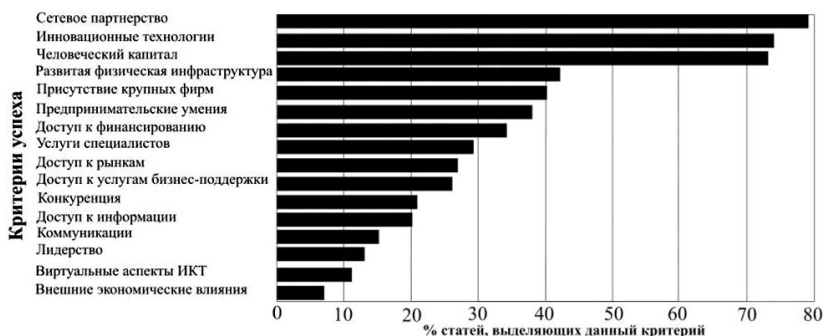

Рисунок 2. Факторы успеха в развитии кластеров

Опыт развития туристских кластеров за рубежом [9] позволяет сделать выводы и о других факторах успеха кластерных инициатив, — в частности, это формирование системы государственной поддержки конкурентоспособности и государственного стимулирования инновационного развития участников кластера.

«Естественные» кластеры развиваются по рыночным законам, поэтому это — саморегулируемые структуры. Инвестиции, инновации, разумная ценовая политика, политика в области качества, развитие умений персонала, — вся эта стратегическая деятельность в кластере происходит под мощным воздействием ведущей корпорации-лидера, которая разрабатывает и диктует общие условия, необходимые для достижения прежде всего ее целей, но в конечном счете выгоду от этого получают все участники, связанные с нею отношениями кооперации. Такие кластеры характерны для промышленных отраслей экономики.

Проблемой для развития кластеров в туризме является то, что большинство фирм в секторе составляют малые семейные предприятия, которые организуют достаточно простой сервис. У них отсутствуют такие факторы успеха, как исследовательская база для разработки инноваций, высококвалифицированный персонал и менеджмент. Возможно, они рады были бы присоединиться к крупному и успешному рыночному игроку, который помог бы решить проблемы доступа к финансированию и информации, помог в обучении кадров. Но они в большинстве своем не нужны крупным корпорациям, действующим на рынке туризма. В их развитии, скорее, могут быть заинтересованы региональные (муниципальные) органы власти, которые инициируют кластерные инициативы.

В этом случае стратегические цели, связанные с развитием территории, специализирующейся на рекреации и туризме, разрабатываются и ставятся органами территориального управления. В роли лидера в большинстве кластеров туризма выступает или региональная администрация, или государственная (частно-государственная), специально создаваемая корпорация. Для успеха кластерных инициатив в таких случаях, кроме прямых государственных инвестиций и организационной деятельности, необходимо дополнительное государственное стимулирование и государственная поддержка конкурентоспособности, выражающаяся в системе экономических льгот и государственного сервиса (информационных, маркетинговых услуг для малого бизнеса).

Список литературы:

1. Концепция развития туризма в Республике Бурятия на период до 2010 года. [электронный ресурс] / Официальный портал органов государственной власти республики Бурятия. Режим доступа. — URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=380> (Дата обращения: 17.05.2011)
2. Путин поставил задачу создать на Кавказе кластер горнолыжного туризма. // Деловая газета «Взгляд», 06.07.2010. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.vz.ru/news/2010/7/6/416312.html> (Дата обращения: 07.07.2010)
3. «Развитие санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи на 2009—2013 годы»: городская целевая программа / Утверждено постановлением Главы города Сочи от 13 января 2009 года № 12 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sochiadm.ru> (Дата обращения: 15.05.2011)
4. Стратегия развития Краснодарского края до 2020 года. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://economy.kubangov.ru/strategy/kuban.html> (Дата обращения: 20.04.2011)

5. Стратегия развития туризма в регионах Южного Федерального Округа. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.strategy-south.ru/html/upload/pril/8.doc> (Дата обращения: 20.04.2011)
6. Шпилько С. О развитии туристического рынка в России // Экономика России: XXI век, № 20, 2006, с. 44—52.
7. Iordache C., Ciochina I. and Asandei M. Clusters — Tourism Activity Increase Competitiveness Support. // Theoretical and Applied Economics, 2010, Vol. XVII, № 5 (546), pp. 99—112.
8. Karlsson C. Handbook of research on cluster theory. New York: Edward Elgar Publishing, 2008. — 316 p.
9. Novell, M., Schmitz, B., Spencer, T. Networks, Clusters and Innovation in Tourism: the UK Experience // Tourism Management, Vol. 27, 2006, pp. 1141—1152.

ТАКСОНОМИИ СЕКТОРАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОДХОД ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Панюшкин Станислав Валерьевич
аспирант, КемГУ, г. Кемерово
E-mail: Panyushkin.SV@kmr.gazprom-neft.ru

Введение

С самого начала развития современной эволюционной экономической теории (конец 70-х — начало 80-х годов XX-го века) ее сторонники в своих исследованиях выделяют следующие основные принципы технологического развития: **кумулятивность** (зависимость от предшествующего развития), **парадигмальность** (контекстуальное влияние на развитие определенных образцов, моделей и архетипов), а также **отраслевую специфичность** (выделение различий в специфике инновационной активности отдельных отраслей). В целях более наглядного отображения указанных принципов представители ЭЭТ вводят в научный оборот концепты **технологических траекторий**, **технологических парадигм**, **технологических режимов** и др. [2].

Несмотря на то, что в качестве одного из главных методологических принципов ЭЭТ выступает гетерогенность агентов, которая заключается в индивидуальности стратегий, рутин и компетенций отдельных фирм, при изучении особенностей инновационной деятельности в экономике эволюционисты используют скорее популяционный подход. Данный

подход заключается в объединении отдельных фирм/отраслей в группы по общим признакам происходящих в них технологических изменений. В рамках данного подхода выделяются таксономии секторальных моделей технологических изменений исходя из: (1) особенностей внутренней инновационной деятельности в отдельных фирмах/отраслях; (2) фирм/отраслей-источников используемых технологий, (3) фирм/отраслей-реципиентов разрабатываемых технологий.

Таксономия «технологических траекторий» отраслей обрабатывающей промышленности К. Пэвитта

Фундаментальной работой в выделении таксономии секторальных моделей выделяют работу К. Пэвитта [6], исследовавшего инновации в предприятиях обрабатывающей промышленности Великобритании в период 1945—1979 гг. и сгруппировавшего все фирмы в зависимости от источников, потребителей, размеров, способов и целей инновационной активности по четырем технологическим траекториям (секторам):

1. **Фирмы с доминированием поставщиков технологий** — фирмы, которые, как правило, имеют отношение к традиционным отраслям (с/х, текстильная промышленность) с низкой внутренней инновационной активностью и высокой зависимостью от внешних источников инноваций. Инновационная рента — доходы от разработки и внедрения инноваций — в подобных компаниях незначительна.

2. **Фирмы с выраженным эффектом масштаба** — крупные компании-производители товаров длительного пользования, сырья (автомобильная промышленность, металлургия, химическая промышленность), использующие как внутренние источники инноваций (подразделения по НИОКР, дизайну, инжинирингу), так и внешние источники (получение технологий от секторов наукоемких фирм и фирм-специализированных поставщиков). Подобные фирмы обладают средним уровнем инновационной ренты.

3. **Фирмы — специализированные поставщики оборудования** — небольшие фирмы, основной целью которых является производство технологий для других компаний (например, производители оборудования и высокоточных инструментов). Основное значение во внутренней инновационной активности отводится неявным знаниям, благодаря чему подобные фирмы получают высокую инновационную ренту.

4. **Наукоемкие фирмы** — высокотехнологичные компании (электроника, фармацевтика). Источником инноваций являются внутренние НИОКР-подразделения, а также внешние академические

учреждения. Обладают высокой инновационной рентой благодаря патентной защите и режиму секретности собственных ноу-хау.

Таксономия отраслей экономики, предложенная К. Пэвиттом, являлась актуальной для так называемой эпохи «фордизма», в которой преобладало массовое производство стандартизированной продукции, а основной вклад в ВВП приходился на отрасли промышленности.

Таксономии моделей технологических изменений в сфере услуг

В последние десятилетия возрастает значимость сферы услуг, что выражается не только в увеличении численности занятых в ней трудовых ресурсов и росте ее доли в ВВП. Вместе с количественными изменениями происходят и качественные: сегодня отрасли сферы услуг играют более заметную роль и в области инновационной активности.

Понимая значимость сферы услуг в современной экономике, К. Пэвитт с коллегами в монографии 1997 г. модернизировал собственную таксономию, включив в нее фирмы из сферы услуг [7]. К четырем траекториям предыдущей таксономии была добавлена еще одна - траектория отраслей, основанных на информации, к которым отнесены были такие сферы, как финансы, розничная торговля, туризм, СМИ. Основная задача их инновационной деятельности заключается в создании сложных систем обработки информации, в частности в сфере дистрибуции товаров и услуг, что позволяет им быть более чувствительными к потребительскому спросу. Пр. фирмы и отрасли из сферы услуг были отнесены к другим базовым технологическим траекториям.

Л. Соете и М. Миоззо [5] и Ф. Кастеллачи [3, с. 5] в своих работах также попытались преодолеть недостаток первоначальной таксономии К. Пэвитта и предложили отдельные таксономии технологических моделей отраслей в сфере услуг. Основное различие их работ заключалось в названиях секторов: в Л. Соете и М. Миоззо использовали названия из таксономии Пэвитта, а Ф. Кастеллачи предложил собственные названия.

В рамках таксономии в сфере услуг выделяются 3 сектора:

1. **Сектор потребительских услуг** (или фирмы с доминированием поставщиков технологий) включает в себя подсектор индивидуальных услуг и подсектор общественных услуг. К первому подсектору относят, например, ритейл, общепит, бытовые услуги в который входят небольшие фирмы с низкой внутренней НИОКР-активностью, в конкурентной борьбе они полагаются больше на профессиональные навыки, дизайн, рекламу, чем на технологические нововведения. К подсектору общественных услуг относят более крупные организации, которые также как и фирмы первого подсектора

используют внешние источники технологий (например, образование, здравоохранение, гос. управление).

2. **Сектор инфраструктурных услуг** (или фирмы с активным использованием эффекта масштаба). В него входят подсекторы физической инфраструктуры (оптовая торговля, транспорт и др.) и подсектор информационной инфраструктуры (телекоммуникации, финансы и др.). Это обычно крупные компании. Основным внешним источником инноваций в первом подсекторе являются промышленные предприятия, а во втором — как промышленные, так и предприятия сферы услуг. Второй подсектор отличается также более активным использованием ИТ-технологий. Фирмы могут быть охарактеризованы средней внутренней инновационной активностью, сами инновации, в основном, направлены на сокращение издержек. Сектор инфраструктурных услуг выполняет поддерживающую функцию для экономики.

3. **Сектор интеллектуальных услуг** (научекие фирмы + фирмы — специализированные поставщики). К данному сектору относятся фирмы небольшого и среднего размера с высокоинтенсивной инновационной деятельностью, которая проявляется в значительных затратах на НИОКР, активном использовании патентов, высокой значимости ноу-хау и компетенций (НИОКР-услуги, инжиниринг, программное обеспечение, консалтинг). Важнейшие источники знаний для нововведений — клиенты, поставщики и внутренние подразделения.

Объединенная таксономия технологических моделей в сфере услуг и обрабатывающей промышленности Ф. Кастеллачи

В дальнейшем Ф. Кастеллачи [2, 4] разрабатывает таксономию, которая объединяет выделенные выше таксономии промышленных и сервисных фирм. В качестве основного элемента новой таксономии выступает процесс распространения технологий широкого применения (ТШП, от англ. General Purpose Technology) [1], под которыми понимаются взаимосвязанные технологические инновации, которые распространяются и развиваются в различных отраслях экономики, придавая ей устойчивый импульс к долговременному росту. Примерами технологий широкого применения в рамках фордистской технико-экономической парадигмы является автомобильный транспорт, а в рамках новой ИКТ-парадигмы — компьютер и интернет. Согласно модели Ф. Кастеллачи (см. рис. 1), все фирмы/отрасли промышленности и сферы услуг распределяются по различным макросекторам, в зависимости от того, (1) какую функцию в процессе распространения технологии широкого применения они выполняют (поставщика или реципиента), (2)

каким технологическим потенциалом обладают и от того, (3) какое место они занимают в технологической цепочке.

Ф. Кастеллачи выделяет 4 макросектора:

1. Макросектор поставщиков продвинутых знаний, в котором зарождаются ТШП. В него входят уже упомянутые в более ранних таксономиях фирмы — специализированные поставщики и фирмы — поставщики интеллектуальных услуг. Данные фирмы определяют поддерживающую знаниевую базу технико-экономической парадигмы, на основании которой строится инновационная активность в других макросекторах.

2. Макросектор массовых производителей товаров занимает промежуточное положение в производственной цепочке. В него входят такие секторы из таксономии К. Пэвитта, как наукоемкие и масштабные фирмы. Несмотря на различия, которые были выделены при рассмотрении таксономии К. Пэвитта, данные фирмы обладают общим свойством — они являются крупными производителями стандартизированных товаров, а их деятельность во многом основана на использовании эффекта масштаба. В технико-экономических парадигмах фирмы данного сектора играют важную роль «переносчиков» ТШП.

Рис. 1. Объединенная таксономия технологических моделей в сфере услуг и обрабатывающей промышленности (модель распространения ТШП) Ф. Кастеллачи. [4, image № 1]

3. Макросектор поставщиков инфраструктурных услуг совпадает с аналогичным сектором из таксономии услуг, находится в середине технологической цепочки, но обладают более низким технологическим потенциалом, чем массовые производители товаров или поставщики продвинутых знаний. Фирмы макросектора выполняют функцию поддерживающей инфраструктуры технико-экономической парадигмы. Чем более развитым является сектор, тем активнее происходит процесс инновационной активности и диффузии ТШП в экономике в целом.

4. Макросектор поставщиков потребительских товаров и услуг, в который входят фирмы с доминированием поставщиков технологий из таксономий отраслей промышленности и сферы услуг. Данные фирмы обладают наименьшим технологическим потенциалом и являются реципиентами «продвинутых» знаний из других отраслей, которые они используют для улучшения собственной продукции и внутренних процессов. Данные улучшения могут способствовать удлинению жизненного цикла продукции старых отраслей.

Основная идея модели Ф. Кастеллачи заключается в том, что успех той или иной ТШП зависит от того, насколько активно данная технология применяется и развивается во всех указанных секторах экономики. Для того чтобы ТШП полностью реализовала собственный потенциал, необходима возможность массового производства, наличие поддерживающей инфраструктуры и устойчивой знаниевой базы. Так в послевоенный период развитие автомобильной промышленности, активно использующей эффект масштаба, было усилено развитием специализированных поставщиков (производителей инструментов и высокотехнологичных станков) а также отраслей физической инфраструктуры (транспорт и др.). В следующей технико-экономической парадигме, основанной на ИКТ, в качестве основного «переносчика» технологии выступила отрасль микроэлектроники, активно использующая эффект масштаба и способствующая развитию поставщиков продвинутых знаний (таких как разработчики программного обеспечения) и сетевой информационной инфраструктуры (телекоммуникации).

Заключение

Таким образом, таксономии моделей технологических изменений эволюционировали параллельно со структурными изменениями, происходящими в глобальной экономике. Если в момент появления первой таксономии основное внимание в процессе технологических изменений уделялось отраслям обрабатывающей промышленности, то в дальнейших разработках фокус смещается в сторону сферы услуг. В

целом, важность таксономий заключается не столько в классификации отраслей по отдельным моделям технологических изменений, сколько в отражении высокой значимости взаимозависимости агентов в технологической системе. Данные взаимосвязи следует учитывать в процессе разработки инновационной политики.

Список литературы:

1. Bresnahan T. F., Trajtenberg M. General Purpose Technologies: “Engines of Growth”? // *Journal of Econometrics*. — 1995. — Vol. 65. — No 1. — Pp. 83—108.
2. Castellacci F. Technological paradigms, regimes and trajectories: manufacturing and service industries in a new taxonomy of sectoral patterns of innovation / MPRA Paper 26408, University Library of Munich, Germany. — 2007. — 40 p. [Electronic resource]. URL: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/26408/1/MPRA_paper_26408.pdf. (дата обращения: 09.04.2012).
3. Castellacci F. The Internationalization of Firms in the Service Industries: Channels, Determinants and Sectoral Patterns / NUPI Working Paper: 753. 2008. 39 p. [Electronic resource]. URL: <http://english.nupi.no/content/download/8266/83228/version/1/file/WP—753—Castellacci.pdf> (дата обращения: 09.04.2012).
4. Castellacci, F. Structural change and the growth of industrial sectors: Empirical test of a GPT model // *Review of Income and Wealth*. — 2010. — Vol. 56. — Issue 3. — Pp. 449—482.
5. Miozzo, M., Soete, L. Internationalization of Services: a technological perspective // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2001. — № 67(2). — Pp. 159—185.
6. Pavitt, K. Sectoral patterns of technical change: towards a taxonomy and a theory // *Research Policy*. — 1984. — № 13. — Pp. 343—373.
7. Tidd J., Bessant J., Pavitt K. *Managing Innovation: Integrating Technological, Market and Organizational Change* / John Wiley & Sons. — 1997. — 390 p.

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СПОРТИВНО-РАЗВИВАЮЩИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Прокопьева Евгения Леонидовна

*канд. экон. наук, доцент, Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан
E-mail: evgenia-prokopjeva@yandex.ru*

Прокопьев Игорь Владимирович

*студент, Хакасский технический институт —
филиал Сибирского федерального университета, г. Абакан*

В рамках научно-исследовательской работы рассматривается вопрос о целесообразности строительства детского спортивно-развивающего центра в городе Абакане республики Хакасия. Для того, чтобы определить реальную потребность в учреждениях подобного типа, проведём анализ обеспеченности ими региона.

Следует заметить, что в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития России в качестве ключевой задачи определено развитие человеческого потенциала, которое выражается, в частности, в повышении доступности качественных услуг образования и здравоохранения. Для этого выделяются немалые финансовые ресурсы, как из федерального бюджета РФ, так и из бюджетов субъектов РФ. Рассмотрим, насколько в действительности имеется потребность в строительстве учреждений, способствующих развитию человеческого потенциала в регионах РФ и как ситуация меняется в динамике.

Для наиболее адекватной оценки достаточности спортивных и образовательных учреждений, проведём сравнение по регионам РФ. В таблице 1 представлены данные, характеризующие количество образовательных и спортивных муниципальных учреждений по РФ и федеральным округам и, в частности, в Сибирском федеральном округе (СФО) и республике Хакасия (РХ).

Таблица 1.**Количество муниципальных учреждений на 01.01.2011**

Показатели	Число муниципальных образований	Уд. вес, %	Учреждения образования	Уд. вес, %	Учреждения спорта	Уд. вес, %
Российская Федерация	23304	100	96668	100	6819	100
Центральный фед. округ	5049	21,67	19924	20,61	3558	52,19
Северо-Западный фед. округ	1705	7,32	6632	6,86	333	4,88
Южный фед. округ	1744	7,48	8752	9,05	431	6,32
Северо-Кавказский фед. округ	1712	7,35	5927	6,13	299	4,38
Приволжский фед. округ	6189	26,56	25094	25,96	904	13,26
Уральский фед. округ	1351	5,8	8652	8,95	531	7,79
Дальневосточный фед. округ	1391	5,97	5428	5,62	136	1,99
Сибирский фед. округ	4163	17,86	16259	16,8	627	9,19
в т.ч. Республика Хакасия	100	0,43	383	0,4	21	0,31

Из таблицы можно увидеть, что удельные веса образовательных учреждений по регионам РФ примерно соответствуют удельным весам муниципальных образований в них. А вот, что касается учреждений спорта, здесь наблюдается существенный дисбаланс. Более половины спортивных муниципальных учреждений сосредоточено в Центральном федеральном округе. В большинстве других регионов их доля не превышает 10 %, сюда относится и Сибирский федеральный округ, куда входит республика Хакасия. Эта зависимость не случайна и является отражением как неравномерного развития строительной отрасли в регионах, так же и ограниченных финансовых возможностей региональных бюджетов.

Также для оценки достаточности учреждений подобного типа рассмотрим их количество на душу населения (таблица 2).

Таблица 2.

Обеспеченность образовательными и спортивными учреждениями на 100 тысяч человек населения

Численность населения	Все население, тыс. чел.	Уд. вес, %	Кол-во учреждений образования на 100 тыс. чел. населения	Кол-во учреждений спорта на 100 тыс. чел. населения
Российская Федерация	142 865	100	677	48
Центральный фед. округ	38 446	26,91	518	93
Северо-Западный фед. округ	13 626	30,54	487	24
Южный фед. округ	13 851	9,7	632	31
Северо-Кавказский фед. округ	9 439	6,61	628	32
Приволжский фед. округ	29 880	20,91	840	30
Уральский фед. округ	12 087	8,46	721	44
Дальневосточный фед. округ	6 285	4,4	864	22
Сибирский фед. округ	19 252	13,48	845	33
в т.ч. Республика Хакасия	539	0,38	720	39

По данным таблицы 2 можно сделать аналогичные выводы. Количество образовательных учреждений на 100 тысяч человек населения распределяется по России относительно равномерно и в целом по стране составляет 677, в Сибирском Федеральном округе — 845, а в Хакасии — 720. Отсюда можно сделать вывод, что обеспеченность образовательными учреждениями в регионах достаточная. Число спортивных учреждений на 100 тысяч человек так же распределено крайне неравномерно. Примечательно, что в Центральном федеральном округе число муниципальных спортивных учреждений на 100 тысяч человек населения составляет 93, что почти вдвое больше, чем в среднем по Российской Федерации. В то же время в остальных федеральных округах данный показатель значительно ниже, чем в среднем по России, в Сибирском федеральном округе он составляет 33, а по Хакасии — 39.

Рассмотрим более детально число спортивных объектов в республике Хакасия и в Абакане в динамике (таблица 3).

Таблица 3.

**Показатели, характеризующие развитие спортивных объектов
в республике Хакасия и г. Абакане**

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010
Число спорт. сооружений в РХ	877	882	898	895	931
Число спорт. сооружений в Абакане	137	141	179	155	188
уд. вес в показателе по РХ, %	15,6	16	19,9	17,3	20,2
Число муниципальных спортивных сооружений всего	107	106	149	118	148
уд. вес в общем числе спортивных учреждений по Абакану, %	78,1	75,2	83,2	76,1	78,7
Число детско-юношеских спортивных школ в Абакане	7	7	10	10	11
Численность занимающихся в ДЮСШ Абакана, чел.	3218	3354	4187	6267	6893
Число муниц. спорт. сооружений на 1000 учащихся ДЮСШ в Абакане	33,3	31,6	35,6	18,8	21,5

По данным таблицы 3 можно увидеть, что в течение последних пяти лет число спортивных учреждений как в Хакасии, так и в Абакане несколько возросло, причём если в республике за рассматриваемый период их прирост составил 6 %, то в Абакане — 37 %. В то же время удельный вес количества спортивных объектов в городе составляет всего 20 % соответствующего показателя по РХ. Это ничтожно мало, если учесть, что доля населения Абакана — это треть всего постоянного населения республики (таблица 4).

Таблица 4

Численность постоянного населения в Республике Хакасия

Состав населения	на 01.01.2010		на 01.01.2011	
	тыс. чел.	уд. вес, %	тыс. чел.	уд. вес, %
все население	538,6	100	539,3	100
городское население	375	69,6	363,8	67,5
в.т.ч. жители Абакана	163,4	30,3	171,2	31,7
сельское население	163,6	30,4	175,5	32,5

Так же из таблицы 3 видно, что в кризисный 2009 год объёмы строительства спортивных объектов несколько снизились как в Хакасии, так и в Абакане, но уже в 2010 году рост соответствующих показателей возобновился.

Доля муниципальных спортивных учреждений составляет порядка 80 % всех спортивных объектов города. При этом их число за пять лет увеличилось на 38 %. В то же время численность детей, посещающих такие учреждения, за тот же период возросла более чем в 2 раза (темп роста составил 214 %). Таким образом, если в 2006 году на 1000 детей, посещающих детско-юношеские спортивные школы, приходилось 33 муниципальных спортивных сооружения, то в 2010 году их стало 21,5. Это подтверждает необходимость строительства спортивных объектов в г. Абакане.

Частично проблема недостаточности муниципальных спортивных учреждений решается за счёт функционирования коммерческих спортивных организаций, созданных за счёт частных инвестиций. Однако стоимость услуг таких организаций зачастую в несколько раз выше, поэтому социальную значимость строительства именно муниципальных объектов за счёт бюджетных средств сложно переоценить.

Приведём структуру спортивных объектов города и республики по видам сооружений (рисунки 1 и 2).

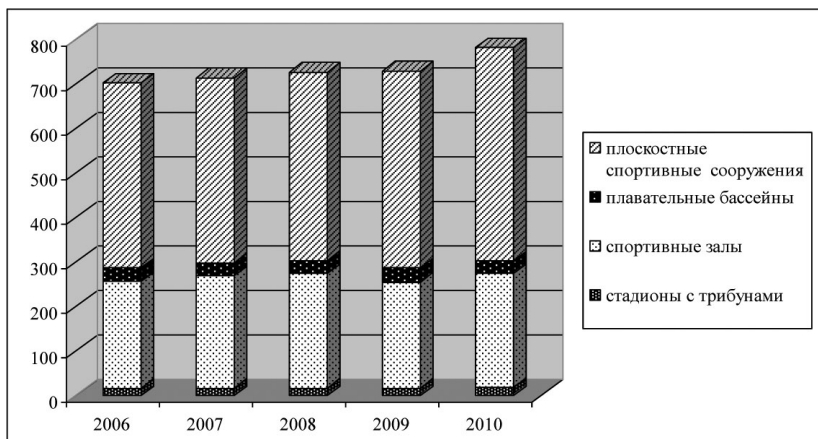

Рисунок 1. Спортивные объекты в республике Хакасия

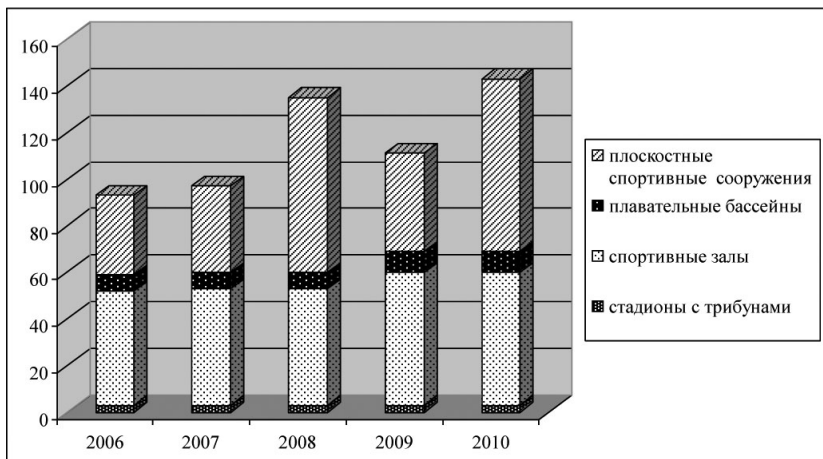

Рисунок 2. Спортивные объекты в городе Абакане

На приведённых рисунках видно, что как в республике, так и городе крайне малое число плавательных бассейнов и стадионов. Однако строительство подобных объектов связано со значительными инвестициями, а финансовые ресурсы бюджетов субъектов Федерации очень ограничены.

Приведём данные, характеризующие объёмы инвестиций в основной капитал в республике Хакасия (таблица 5).

Таблица 5.

Инвестиции в основной капитал в Республике Хакасия

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Инвестиции в основной капитал — всего, млн. руб.	19516	17420	13312	12837	22109	38064
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	36315	32444	24762	23834	41548	71521

Из таблицы видно, что объём инвестиций в регионе за 6 лет возрос в 2 раза, в том числе и на душу населения. Распределение инвестиций по источникам финансирования представлено на рисунке 3.

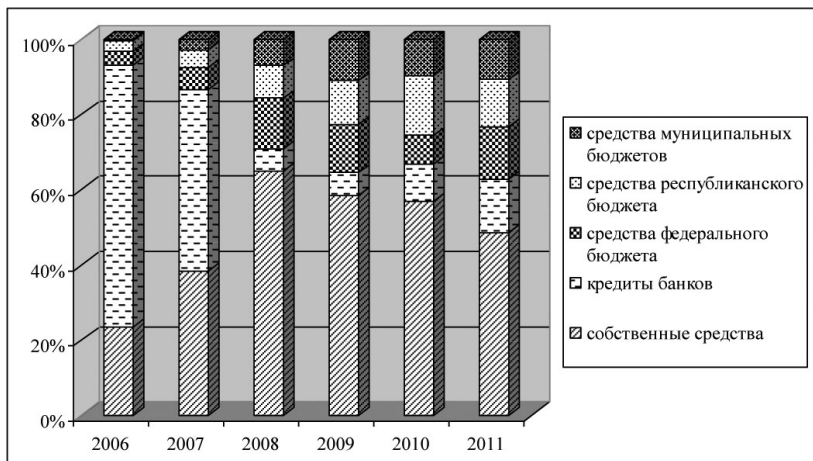

Рисунок 3. Распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования

На рисунке видно, что начиная с 2008 года, существенно увеличилась доля бюджетных инвестиций в основной капитал. Это обусловлено реализацией федеральных и республиканских экономических программ, действующих в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ.

Таким образом, количество спортивных учреждений в республике Хакасия и, в частности, городе Абакане, является недостаточным для полноценного физического развития детей дошкольного и младшего школьного возраста. Несмотря на увеличение бюджетных ассигнований, объёмы строительства малы по сравнению с потребностью в таких услугах.

В нашем исследовании рассматривается вопрос о целесообразности строительства учреждения, оказывающего также услуги дополнительного образования для детей дошкольного и школьного возраста. Для школьников широкий перечень услуг дополнительного образования на сегодняшний день предоставляется при школах. Это наиболее удобный вариант для такого контингента. Именно поэтому основная категория детей, посещающих учреждения дополнительного образования — это дошкольники, причём для многих детей — это основной способ развития и образования, так как они не имеют возможности посещать дошкольные учреждения в силу ограниченности мест в них.

Рассмотрим обеспеченность детей города Абакана учреждениями дошкольного образования (таблица 6).

Таблица 6.**Учреждения дошкольного образования в городе Абакане**

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010
Число дошкольных учреждений	155	161	165	169	163
Численность воспитанников в дошкольных учреждениях, чел.	18362	19332	20466	21158	22983
Число мест в дошкольных учреждениях	20203	20497	21058	21739	23113
Число детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных учреждениях, человек	91	94	97	97	99
Охват дошкольными учреждениями детей в возрасте 1—6 лет, %	52,6	54,3	55,2	53,5	н.д.

Из таблицы можно увидеть, что число дошкольных учреждений в городе явно недостаточно. Их количество возросло за 5 лет всего на 5 %, в то время как рождаемость увеличивается более быстрыми темпами. И, несмотря на ежегодный ввод в эксплуатацию в Абакане по одному детскому саду, как видно из таблицы, чуть больше половины всех детей в возрасте 1—6 лет посещают дошкольное учреждение. Таким образом, частично функцию подготовки к школе и дополнительного развития детей могут взять на себя учреждения дополнительного образования.

Особенно важно развитие муниципальных учреждений дополнительного образования и спорта для детей в рамках социальной политики, так как это даёт возможность получать образовательные услуги бесплатно или за минимальную плату. Далеко не все родители могут себе позволить отдать ребёнка в платные секции и кружки. Особенно актуально это для регионов со сравнительно низким уровнем доходов, куда, в частности, относится и республика Хакасия.

Потребность в детских спортивных и образовательных учреждениях подтверждается и данными социологических опросов, проведённых среди граждан Абакана. Практически все граждане, имеющие детей, отмечают, что в целях повышения образовательного уровня, а также улучшения состояния здоровья детей в Абакане целесообразно строительство спортивно-развивающего детского центра.

Таким образом, в рамках инновационного социального и экономического развития регионов России в качестве первоочередного направления должно быть строительство детских учреждений. Однако основная проблема заключается в финансировании подобных мероприятий. Хакасии для этих целей, безусловно, требуется выделение субвенций из Федерального бюджета, так как собственных доходов республиканского бюджета едва хватает для выполнения текущих обязательств.

Список литературы:

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
2. <http://gks.ru>. Федеральная служба государственной статистики (дата обращения: 05.04.2012).
3. <http://hakasstat.gks.ru/digital/region1/default.aspx>. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия (дата обращения: 08.04.2012).
4. <http://ru.wikipedia.org>. Википедия — свободная энциклопедия (дата обращения: 07.04.2012).

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Садыр Гульмира Ауесхановна

*к. ф. н., доцент Международной Академии Бизнеса,
г. Алматы, Казахстан
E-mail: gulmik@bk.ru*

В настоящее время инновационная деятельность приобретает все большее значение для успешной финансово-хозяйственной деятельности организаций и становится важным инструментом конкурентоспособности и одной из основных составляющих эффективной стратегии.

Управление инновационным развитием Казахстана в практическом плане базируется на совокупности программных и законодательных актов, определяющих основные направления инновационной деятельности.

Необходимо отметить, что стратегической целью развития Казахстана является построение «экономики знаний» на основе развития науки и технологий и коммерциализации их результатов в условиях благоприятной среды, поддерживающей экономический рост через инновации. Условия для достижения ее целей могут быть созданы при формировании национальной инновационной системы и развитии информационно-коммуникационных технологий, объединяющих ее составляющие между собой и с производством.

Признание Казахстана страной с рыночной экономикой и с целью сбалансированного развития отраслей промышленности, достижения устойчивого развития страны путем диверсификации отраслей экономики, способствующей отходу от сырьевой направленности, подготовки условий для перехода в долгосрочном плане к сервисно-технологической экономике, производства конкурентоспособных и экспортно-ориентированных товаров, работ и услуг в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, а также внедрения международных стандартов качества на производимую продукцию разработана и принята «Стратегия индустриально-инновационного развития Казахстана на 2003—2015 годы» [1, с. 17].

Перевод экономики на инновационный путь развития показывает, что производство и наука постепенно адаптируются к требованиям рыночного механизма, заключающаяся в создании и распространении новых знаний и технологий. Для них характерны структурные диспропорции, взаимная изолированность, низкая инновационная активность. Одной из главных причин является отсутствие институциональных основ для мотивации экономических агентов в предпринимательском секторе к инновациям, а в исследовательской сфере — к прикладной деятельности, ориентированной на создание инновационного потенциала для промышленности. Поэтому актуальным является формирование институциональных условий повышения инновационной активности.

Внедрения инноваций является результатом инновационной деятельности, что в свою очередь свидетельствует о переходе на инновационный путь развития.

Инновационная деятельность — процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки.

Инновации оказывают двойственное влияние на экономическую динамику: с одной стороны, открывают новые возможности для расширения экономики, с другой — делают невозможным продолжение этого расширения в традиционных направлениях [2, с. 159].

Смысл инновационной активности как экономической категории состоит в том, чтобы не только оценивать масштабы внедрения новых или улучшающих технологий по хозяйствующим субъектам в целом, но и способствовать отдельным предприятиям и организациям в осуществлении отбора того или иного направления инновационного раз-

вития и формирования на этой основе эффективной инновационной политики.

Долговременный и устойчивый экономический рост достигается при выборе стратегии инновационного индустриального развития в направлениях, соответствующих мировым технологическим тенденциям. В постиндустриальном мире значительная доля ВВП формируется в секторе услуг, в сфере высоких технологий, образования, связи и информационно-коммуникационных технологий.

Внедрение инноваций на современном этапе становится все более важным в связи со стремительной глобализацией мирового хозяйства и интеграцией Казахстана в систему международного разделения труда. Развитие мирохозяйственных связей требует повышения конкурентоспособности казахстанской продукции, как на внешних, так и внутренних рынках. Решение этой проблемы неразрывно связано с рассмотрением различных аспектов инновационной деятельности.

Как показывает мировой опыт, развитие экономики в условиях нарастающей глобализации и жесткой конкуренции в значительной степени зависит от уровня инновационной и производственной инфраструктуры, от степени использования достижений современной науки, технологии и техники.

Основу новых знаний инновационной деятельности составляет научный потенциал — определяющий элемент производительных сил общества. Наука становится активной формой общественного сознания, оказывает огромное воздействие на процесс внедрения ее результатов в производство, сферу управления экономикой, здравоохранение и экологию.

Особый интерес для республики представляет проблемы инновационного развития Австралии, которая, как и Казахстан, обладает огромными ресурсами. Около 80 % ее экспорта приходится на сырье. Экономика этих двух стран находится в сильной зависимости от мировых цен на экспортируемое сырье и от возможности расширения добычи полезных ископаемых. Австралийское правительство расходует значительные средства на закуп продукции наукоемких отраслей и приобретение высоких технологий. Согласно государственной программе, если иностранная компания хочет продать правительству свой продукт, она осуществляет затраты на научно-технические исследования в размере от 5 % общего объема продаж в течение 7 лет. Соотношение экспорта и импорта товаров должно составить 50 % [3, с. 103].

Инновационная среда формируется индивидуально для каждой страны, однако в каждом случае следует использовать положительно зарекомендовавшие себя подходы и механизмы решения.

В передовых странах всё большее признание завоевывает кластерная стратегия, в рамках которой государство не только способствует формированию инновационных кластеров, но и само становится участником специализированных сетей знаний территориальных зон развития новых технологий. Оно поощряет инновационную активность, сотрудничество науки и предпринимательства, стимулирует управленческое консультирование, профессиональное образование и мобильность научного персонала, поддерживает межфирменную кооперацию, охрану интеллектуальной собственности, совершенствование информационного обслуживания и антимонопольного регулирования.

Переход к образованию кластеров в передовых экономиках был обусловлен усилением конкуренции на мировом рынке, осознанием того, что в современной экономике ни одна страна не может быть конкурентоспособной во всех сферах деятельности одновременно. В связи с этим возникла необходимость в системном формировании кластеров вокруг ключевых отраслей. Основными мотивами формирования кластеров являлось развитие отраслей высоких технологий, повышение экономического уровня регионов, повышение экономической активности депрессивных регионов, увеличение экспорта, подготовка профессиональных кадров по отдельным специальностям.

Формирование кластеров способствовало концентрации инвестиционных ресурсов на приоритетных направлениях развития, что привело к ускорению научно-технического прогресса и повышению экспортного потенциала отдельных отраслей, развитию конкуренции и перспективным структурным изменениям в структуре промышленного комплекса регионов.

Таким образом, управление инновационным развитием Казахстана в практическом плане базируется на совокупности программных и законодательных актов, определяющих основные направления инновационной деятельности. Анализ состояния инновационной деятельности в Казахстане показывает, что производство и наука постепенно адаптируются к требованиям рыночного механизма создания и распространения новых знаний и технологий.

Список литературы:

1. Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстана на 2003—2015 годы. 36 с.

2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982. — 159 с.
3. Жарменов А. Мы не настолько богаты, чтобы сорить отечественными технологиями // Казахст. правда. — 2001. — 4 апр. № 80—81.

О ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТЫНИ КАК ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ В НАУКЕ

Фомина Елена Геннадьевна

*ст. преподаватель, кафедра латинского и иностранных языков, ГБОУ
ВПО КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого
Минздравсоцразвития России, г. Красноярск*

Ковалева Виктория Николаевна

*ст. преподаватель, кафедра латинского и иностранных языков, ГБОУ
ВПО КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого
Минздравсоцразвития России, г. Красноярск
E-mail: fn2_2000@rambler.ru*

Проблема единого языка занимала многие передовые умы всех времен. Среди многочисленных попыток найти ее решение не последнее место и в наше время занимает язык, у которого уже есть опыт и более длинная история использования в качестве средства международного общения, чем у какого-либо другого языка в мире.

Начнем *ab ovo*. Существует библейская легенда о смешении языков, последовавшем за вавилонским столпотворением. Этот миф интересен тем, что выразил неоспоримую истину: нам нужен общий язык. В разные исторические эпохи в качестве общего выступали различные языки. Империя Александра Македонского приобщалась к греческому языку. Возвышение Рима привело к тому, что латынь была навязана победителями другим народам, а затем в качестве языка науки и культуры безраздельно господствовала вплоть до XIX века.

История латинского языка восходит к началу первого тысячелетия до н. э., когда на нем говорил народ области Лаций. Племя, жившее там, называло себя латинами, свой язык — латинским, свое государство — Римом. В первые века новой эры латинский язык был языком огромной Римской империи. В своей культуре и языке римляне использовали достижения культуры, науки и языка Греции,

которая была завоевана ими в середине II века до н. э. История культуры Греции к тому времени насчитывала уже не одно тысячелетие.

После распада Римской империи латинский язык продолжал оставаться основным языком для народов Западной Европы еще в течение многих столетий. Жизнь образованной Европы продолжала идти в основном на латинском языке. Даже после того, как национальные языки в Европе вытеснили латинский язык из научной литературы, он продолжал играть наряду с древнегреческим роль основного интернационального источника для обозначения словами и целыми словосочетаниями новых, впервые открываемых явлений.

С конца XVIII века в качестве международного языка выступает французский. Вся Европа говорит по-французски. Дворянство в России не использует русский язык. Ведь Онегин у Пушкина «по-французски совершенно мог изъясняться и писал», а Татьяна «по-русски плохо знала». Правда через некоторое время роль «международного» языка начинает играть английский. Но всеобщий язык не должен давать преимущество ни одной нации. Попытки создания искусственного языка для межнационального общения не были вполне успешными. Простота в этом случае оборачивается бедностью словообразования.

Тогда как латинские слова и сейчас сохранили свою функцию международного средства для называния предметов и явлений. Латинскими и латинизированными греческими словами и элементами слов пользуются все языки во всех областях жизни.

В России латинский язык в течение многих десятилетий также был языком науки и сохранял достойное место в системе образования. «Латынь из моды вышла» только после революции 1917 года, когда изучение древних языков сочли необязательным. По этому поводу Л. В. Щерба писал, что «наша советская школа оказалась почти что совершенно лишенной элементов лингвистического образования, вопреки многовековой традиции, почти во всем мире сохраняющей свою силу и сейчас». Как и в далекие времена в прошлом, так и в современную эпоху русский язык обогащается за счет лексики древнегреческого и латинского происхождения, без которого невозможно представить жизнь современного человека. При сегодняшнем объеме информации от языка требуется точность и рациональность, чем и отличается латинский язык.

Многие из терминов древнегреческого и латинского происхождения были в разное время заимствованы европейскими языками. Однако гораздо большее количество специальных слов было создано искусственно из материала древних, но базе современных языков. Это происходит и в наше время. Поэтому, как правило, специальные слова

древнегреческого и латинского языков являются интернациональными: их форма и содержание обычно одинаковы и легко отождествляются.

Обучение любой профессии невозможно без овладения терминологией своей специальности. Без понимания и запоминания терминов нельзя разобраться в содержании специальных дисциплин. К медицине и фармакологии это относится в полной мере, более того, в этих областях латинская и латинизированная греческая терминология используются наиболее широко.

Знание элементов терминологии необходимо также для общения между специалистами, говорящих на разных национальных языках. Латинские термины произносятся, пишутся согласно правилам латинской фонетики и орфографии и строятся с соблюдением правил латинской грамматики. Существуют международные перечни терминов, так называемые номенклатуры на латинском языке. Так современные живые языки пользуются наследием своих древних мертвых предков. Современный врач, говоря по-русски на профессиональную тему, употребляет более половины слов латинского и греческого происхождения.

Всем понятно, что для превращения древнего языка в средство международного общения требуется огромное количество новых слов, которые не существовали в античном обществе и не имели обозначения в латинском языке Древнего мира. Основой при создании современной латыни должен остаться классический латинский язык. В рамках программы медицинского вуза об этом речи не идет. Но опыт преподавания нашей дисциплины показывает, что не следует ограничиваться только основами грамматики и некоторым количеством терминов из области анатомии, гистологии и фармацевтики. Мы обращаем внимание студентов на необходимость анализировать термины, деля их на словообразовательные элементы. Медику нужно знать много тысяч терминов. Просто заучить их не удастся никому. Термины создаются искусственно по определенным правилам из определенных элементов. Если освоить эти правила и знать эти элементы, можно научиться понимать даже новые термины.

Многие слова в русском языке являются заимствованиями из древнегреческого и латинского языков. Так обычные слова, которые мы привыкли считать исконно русскими, часто оказываются сложением из греко-латинских элементов. И зная эти «полуфабрикаты» мы можем избежать ошибок в орфографии и толковании многих слов. Большинство греко-латинских заимствований в русском языке — научные. Ученые разных стран, чтобы лучше понимать друг друга, называют научные термины, используя греческие и латинские элементы слов — это языки «мертвые», всем одинаково чужие, никому не обидно. Большинство наук, например, называются греческими **-логиями, -графиями, -метриями.**

Антроп-о-логия — наука о происхождении и эволюции человека, антроп-о-метрия — совокупность методов измерения человеческого тела и т. д. Студенту первого курса порой нелегко разобраться и найти различия в таких терминах, как «психология», «психиатрия», «психотерапия». И тут на помощь приходит умение анализировать слова по составу: псих-о-логия — наука о психической деятельности, тогда как псих-иатрия — лечение расстройств психики, а псих-о-терапия — лечение посредством воздействия на психику.

Слова и элементы латинских слов вошли во все языки мира: *mobilis* — мобильный — *mobile- mobil- móvil* и т. д. Поэтому знание латинского словообразования облегчает понимание не только латинского, но и большинства современных западных языков.

Латинский язык относится к числу мертвых языков, так как сейчас нет живого народа — носителя этого языка. Язык умирает тогда, когда не остается на земле народа, говорившего на нем. С этой точки зрения латинский язык относится к числу мертвых языков. Однако значение его по-прежнему велико. Латинский язык до сих пор является официальным языком Ватикана, международным языком в области ботаники. Вновь открываемые виды растений должны быть описаны по латыни. Латинский язык необходим медикам, биологам, поскольку вся терминология построена с помощью греко-римских словообразовательных элементов. Он нужен историкам и юристам. Крайне необходим лингвистам. Он объясняет правописание многих слов в русском языке. Помимо этого, изучение латинского языка позволяет познакомиться с историей, культурой и мифологией античного общества, т. е. с тем фундаментом, на котором стоит все европейская культура.

Отвечая на вопрос, почему именно латинский язык можно предложить в качестве международного средства общения, следует указать в первую очередь на долгую историю этого языка, который за сравнительно короткий срок распространился на огромные территории и ассимилировал большое количество самых различных языков и диалектов. Сохраняя позиции практически единственного литературного языка у европейских народов в течение почти полутора тысяч лет, латынь являлась средством интернационального общения. В пользу латыни говорит авторитет языка в культурном и историческом плане, большое количество общих слов и других языковых элементов латинского происхождения, а также ясность и сравнительная краткость выражения, но это последнее касается, правда, только тех областей знания и общения, где латинский язык имеет длительную традицию.

Список литературы:

1. Варганьян Д. А. Путешествие в слово. — М.: Просвещение, 2007. 176 с.
2. Кацман Н. Л., Ульянова И. Л. Латинский язык: Учеб. Для лицеев и гимназий. М., 1999. 456 с.
3. Латинско-русский словообразовательный словарь /Авт.-сост. Г. В. Петрова. М.: ООО Издательство Оникс, 2008. 704 с.
4. Фролова Н. Г., Фролов М. Г. Латынь вокруг нас.— Красноярск, 2007. 193 с.
5. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Л., 1958.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Хибатуллина Зульфия Сагитовна

*студент 5 курса спец. «Социальной работы», НИИ ИрГТУ, г. Иркутск
E-mail: Cun@bk.ru*

Кондря Татьяна Ивановна

*доцент кафедры социологии и социальной работы, НИИ ИрГТУ,
г. Иркутск
E-mail: Tata.irk.1970@yandex.ru*

Большое внимание к проблеме формирования Здорового Образа Жизни (ЗОЖ) заслуживает студенческая молодежь, которая является основным источником пополнения трудовых ресурсов общества, и наиболее активной частью общества, на которую должно быть возложено преодоление российской транзитивности. Помочь понять студентам высокую требовательность к себе, умение вести здоровый образ жизни, жизненную потребность трудиться, помочь им понять то, что табакокурение, токсикомания, наркомания, алкоголизм и пивной алкоголизм — это большая проблема в настоящее время и заботиться о своём здоровье нужно — это одна из главных задач молодежи высшей школы, решение которой определяет трудовую и социальную адаптацию молодежи.

Ведь Здоровый образ жизни в первую очередь важен для того чтобы родить здоровых и крепких детей. Ведь для каждой девушки главной ценностью в жизни выступает семья.

Процессы, происходящие в современном обществе, обострили проблемы сохранения, развития здоровья человека и формирования

здорового образа жизни. Уровнем здоровья определяется вся человеческая жизнь в широком диапазоне социального бытия, с другой — оно рассматривается как важнейшее условие воспроизводства и качества рабочей силы и человеческого потенциала в целом.

Отношение к здоровью обусловлено объективными обстоятельствами, как обучением, так и воспитанием. Оно проявляется в действиях и поступках, мнениях и суждениях людей относительно факторов, влияющих на их физическое и психическое благополучие.

Здоровый образ жизни — это все то, что в поведении и деятельности человека благотворно влияет на его здоровье. Здоровый образ жизни способствует сохранению и укреплению здоровья и является основой профилактики большинства заболеваний. По данным ряда отечественных и зарубежных исследователей, здоровье населения более чем на 50 % зависит от образа жизни [2, с. 18].

Основными аспектами здорового образа жизни молодежи являются режим труда и отдыха, двигательная активность, личная гигиена, неприятие вредных привычек, рациональное питание, экологически грамотное поведение, профилактическое мышление, сексуальная культура и др.

Структуру предпочтений молодежи можно разделить на три подгруппы: сферы жизни, значимые в высокой степени — работа, досуг, общение со сверстниками, отношения с родителями; значимые на среднем уровне — учеба; здоровье, семья, брак, любовь, секс; значимые в низкой степени — религия, общество, страна, город, среда обитания.

Здоровый образ жизни молодежи как определяющий фактор охраны и укрепления здоровья молодого поколения — условия и предпосылки социальной активности молодого человека, полноты выражения его духовных и физических сил — предполагает, наряду с обеспечением социально-экономических условий полноценной жизнедеятельности, целенаправленное формирование его сознания и поведения, соответствующих требованиям здоровья.

Приобщение человека к ЗОЖ следует начинать с формирования у него мотивации к здоровью. Забота о здоровье, его укреплении должна стать ценностным мотивом (смысл жизни в данный момент в этом деле), формирующим, регулирующим и контролирующим образ жизни студента. Образ жизни каждого человека определяет его представления о смысле жизни, отношение к окружающему миру, к себе, к своему здоровью. Доказано, что никакие пожелания, приказы, наказания не могут заставить человека вести здоровый образ жизни, охранять и укреплять собственное здоровье, если всем этим не управляет осознанная мотивация здоровья.

В течение года Управлением по физической культуре, спорту и молодежной политике комитета по социальной политике и культуре администрации г. Иркутска (УФКСиМП) проводят следующие мероприятия [1]:

I. Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ), профилактика наркомании и иных социально-негативных явлений в детской и молодежной среде на территории города Иркутска.

1. Организационно-методическое и иное информационное и материальное обеспечение работы по формированию здорового образа жизни, профилактике наркомании и иных социально-негативных явлений в детской и молодежной среде на территории города Иркутска.

2. Подготовка и обеспечение работы волонтеров (апрель — октябрь).

3. Организация и проведение мероприятий в сфере формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании и иных социально-негативных явлений в детской и молодежной среде на территории города Иркутска.

II. Молодежная политика города Иркутска.

1. Организация информационного и методического обеспечения молодежной политики.

2. Организация и проведение мероприятий в области молодежной политики.

3. Обеспечение участия представителей города Иркутска во всероссийских, региональных, городских слета, лагеря, чемпионатах, играх, фестивалях, семинарах, конференциях и других подобных мероприятиях в сфере молодежной политики.

4. Патриотическое воспитание и развитие гражданской ответственности.

5. Предоставление из бюджета города Иркутска субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг на возмещение затрат по выполнению работ и (или) оказанию услуг по организации летнего отдыха, оздоровления детей и молодежи в соответствии с законодательством Российской Федерации (май — сентябрь).

6. Совершенствование форм молодежного самоуправления и парламентаризма в городе Иркутске. Проведение мероприятий совместно с органами молодежного самоуправления и парламентаризма в городе Иркутске.

7. Развитие движения КВН в городе Иркутске.

8. Организация и осуществление поощрения студентов города Иркутска, в т. ч. (апрель — май):

9. Приобретение кубков (грамот, благодарственных писем и другой наградной атрибутики), призов, подарков и сувениров.

10. Содействие занятости молодежи.

11. Организация и проведение научно-практических конференций, олимпиад, встреч, игр, смотров-конкурсов проектов и других подобных мероприятий.

12. Непредвиденные расходы в рамках молодежной политики города Иркутска.

III. Развитие физической культуры и массового спорта в городе Иркутске.

1. Организация и проведение спортивно-массовых мероприятий.

Так же проводятся различные мероприятия и тренинги («Пивной алкоголизм, «Наркомания» и т. д.) направленные на здоровый образ жизни студентов.

Для молодежи, самого уязвимого слоя населения, необходимо обеспечить сознательный выбор личностью общественных ценностей здорового образа жизни и формировать на их основе устойчивую, индивидуальную систему ценностных ориентаций, способную обеспечить саморегуляцию личности, мотивацию ее поведения и деятельности. Так же необходимо формировать многочисленные программы для развития здорового образа жизни в каждом регионе, привлекать молодежи к различным мероприятиям, проводимым Управлением по физической культуре, спорту и молодежной политике г. Иркутска, повышать стимул у студентов для ведения здорового образа жизни.

Явление здорового образа жизни должно формироваться изначально из института семьи, потом из множества других факторов.

Список литературы:

1. Постановление от 14 ноября 2011 г. N 031-06-2557/11: «О плане мероприятий по реализации в 2012 году комплексной долгосрочной муниципальной целевой программы «Профилактика наркомании и иных — социально негативных явлений в детской и молодежной среде. Молодежная политика. Развитие физической культуры и массового спорта» в городе Иркутске на 2009—2012 годы».
2. Яблокова А. В. Здоровье человека и окружающая среда. М. 2007 — 186 с.

СЕКЦИЯ 7.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

ЭТАПНЫЙ ПРИНЦИП ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМ ГОЛОВЧАТЫМ ПАНКРЕАТИТОМ, ОСЛОЖНЕННЫМ СИНДРОМОМ МЕХАНИЧЕСКОЙ ЖЕЛТУХИ

Вовненко Кристина Вадимовна

*ординатор, ГБОУ ВПО Тверская ГМА Минздравоохранения России,
г. Тверь*

E-mail: Kristina_vov@mail.ru

Чирков Роман Николаевич

*д-р мед. наук, проф., ГБОУ ВПО Тверская ГМА Минздравоохранения
России, г. Тверь*

За последние 25 лет заболеваемость хроническим панкреатитом увеличилась в 18 раз и составляет 5—10 %. По данным литературы смертность от осложнений хронического панкреатита в течение последнего десятилетия достигает 35 %.

Внимание исследователей к хроническому панкреатиту объясняется также тем, что он является предрасполагающим состоянием для развития рака поджелудочной железы. Двадцатилетний анамнез у больных хроническим панкреатитом повышает риск развития рака поджелудочной железы в 5 раз.

Опухоли билиопанкреатодуоденальной зоны составляют 15 % всех злокачественных новообразований желудочно-кишечного тракта и имеют тенденцию к увеличению [8].

Среди органов билиопанкреатодуоденальной зоны опухолью наиболее часто поражается поджелудочная железа — 63—86 %. Причем более 60 % новообразований приходится на головку поджелудочной железы [4]. Прогноз при раке поджелудочной железы один из самых неблагоприятных: пятилетняя выживаемость не превышает 5 %.

Статистика последних лет свидетельствует о неуклонном росте заболеваемости и смертности от рака поджелудочной железы. За последние 25 лет в индустриально развитых странах заболеваемость

выросла более, чем в 3 раза и достигла уровня 9,0 на 100000 населения. В России этот показатель около 8,2 на 100000 населения. В структуре онкологических заболеваний рак поджелудочной железы занимает 9-е место, а среди опухолей желудочно-кишечного тракта находится на 3-м месте [4].

Если при хроническом головчатом панкреатите хирургическое вмешательство на поджелудочной железе применяются достаточно часто, то радикальные операции при раке поджелудочной железы выполняются все еще редко. Это объясняется не только распространенностью опухоли, но и высокой послеоперационной летальностью, обусловленной, как правило, возникновением печеночно-клеточной недостаточности, в следствие недостаточности панкреатоэнтероанастомоза или развитием послеоперационного панкреатита [1].

Несмотря на появление новых информативных методов диагностики рака головки поджелудочной железы, число курабельных больных остается невысоким и составляет 10 %—25 % [2].

У 90 % больных рак головки поджелудочной железы и хронический головчатый псевдотуморозный панкреатит сопровождаются рядом осложнений, в первую очередь механической желтухой [5]. Летальность после операций на фоне механической желтухи, осложненной печеночной недостаточностью и холангитом, достигает 60 %—80 % [6, 7].

Развитие механической желтухи у больных со злокачественными новообразованиями значительно отягощает течение основного заболевания и требует неотложных мер, направленных на декомпрессию желчевыводящей системы [3].

Развитие механической желтухи обычно свидетельствует о больших размерах опухоли и ее значительной распространенности, что обоснованно вызывает сомнения в возможности выполнения радикальной операции. Вместе с тем этот постулат не является абсолютным, поскольку у ряда пациентов после предварительной ликвидации билиарной гипертензии удастся выполнить радикальное удаление опухоли. Вместе с тем, развитие механической желтухи объективно снижает резектабельность злокачественных образований [10].

В настоящее время арсенал оперативных методов коррекции механической желтухи достаточно велик и включает в себя:

- интраоперационные методы декомпрессии желчных протоков при проведении паллиативных и радикальных операций;
- эндоскопическую ретроградную холангиопанкреатографию с эндоскопической папиллосфинктеротомией и назобилиарное дренирование;

- чрескожную чреспеченочную холангиографию с чрескожным чреспеченочным дренированием желчных протоков;
- различные варианты эндопротезирования желчных протоков;
- холецистостомию под контролем ультразвукового исследования, компьютерной томографии или видеолапароскопа [9].

Течение механической желтухи обычно не сопровождается болевым синдромом, однако, нередко осложняется проявлениями холангита различной степени выраженности и прогрессированием печеночно-клеточной недостаточности. Вследствие этого хирургические вмешательства у больных с механической желтухой сопровождается большим числом осложнений, а летальность достигает 15%—30 %, что в 4 раза выше, чем в тех случаях, когда механическую желтуху удастся ликвидировать до операции. Исходя из этого, своевременная ликвидация билиарной гипертензии относится к числу первоочередных задач в программе лечения больных со злокачественными новообразованиями поджелудочной железы и хроническими головчатыми панкреатитами [10].

Адекватная декомпрессия желчевыводящей системы может быть осуществлена при полноценном дооперационном обследовании пациента, которое должно включать в себя оценку функционального состояния печени, выявление уровня блока оттока желчи, размеров и распространенности опухолевого процесса [8].

В настоящее время ряд отечественных и зарубежных авторов отмечают, что большинство больных с раком головки поджелудочной железы и с хроническим головчатым панкреатитом поступают в поздние сроки от появления механической желтухи, и поэтому считают оптимальным проведение лечения в два этапа [11, 12]. На первом этапе выполняют временную внутреннюю или наружную декомпрессию билиарной системы с помощью различных методов желчеотведения, а на втором, после ликвидации механической желтухи, выполняют плановую операцию в объеме гастропанкреатодуоденальной резекции. Такая тактика лечения позволяет добиться уменьшения количества послеоперационных осложнений и снижения уровня летальности.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили данные ретроспективного анализа результатов хирургического лечения 94 больных хроническим панкреатитом головки поджелудочной железы. Средний возраст пациентов составлял 67 ± 2 —3 года. Пациенты условно были разделены на две группы, в первую группу входили пациенты с хроническим головчатым панкреатитом, осложненным синдромом механической желтухи — 35 (37 %) больных, во вторую —

пациенты с хроническим панкреатитом без механической желтухи — 59 (65 %).

В первой группе всем пациентам (n=35) проводили этапное лечение. Первый этап включал в себя: наложение холецистоэнтероанастомоза (n=29), либо холецистостомы (n=6), с целью декомпрессии желчевыводящих путей. После ликвидации желтухи, в зависимости от концентрации конъюгированного билирубина, пациенты были разделены на две подгруппы. В первую подгруппу входили пациенты (n=25), у которых концентрация конъюгированного билирубина составляла 25—30 мкмоль/л, данные пациенты прооперированы в объеме гастропанкреатодуоденальной резекции.

У одного пациента развился холангит в послеоперационном периоде.

Вторую подгруппу составляли пациенты (n=10), у которых концентрация билирубина составляла 75—80 мкмоль/л, пациенты прооперированы также в объеме гастропанкреатодуоденальной резекции, у 3-х пациентов были осложнения в виде несостоятельности холецистоэнтероанастомоза.

Во вторую группу входили больные без синдрома механической желтухи (n=59), всем пациентам проводилась одномоментная гастропанкреатодуоденальная резекция, из них 30 пациентам был наложен классический панкреатоэнтероанастомоз по Whipple, 29 пациентам был выполнен ротационный панкреатоэнтероанастомоз по оригинальной методике.

После формирования панкреатоэнтероанастомоза традиционным способом у 2 пациентов были осложнения в виде несостоятельности панкреатоэнтероанастомоза, перитонит у 1 пациента, некроз культи поджелудочной железы у 1 пациента.

Таким образом послеоперационная летальность составила 4 % (2 пациента) в случае наложения панкреатоэнтероанастомоза по оригинальной методике. При выполненных панкреатоэнтероанастомоза традиционным способом умер 1 пациент от перитонита, 1 от некроза культи поджелудочной железы.

Выводы. Таким образом, пациентам с хроническим головчатым панкреатитом, осложненным синдромом механической желтухи, необходимо применять этапный принцип хирургического лечения, при котором, первым этапом необходимо ликвидировать механическую желтуху, так, чтобы концентрация конъюгированного билирубина составляла бы не более 30 мкмоль/л, вторым этапом является выполнение гастропанкреатодуоденальной резекции.

Список литературы:

1. Алиев М. А., Баймаханов Б. Б., Рамазанов М. Е. и др. Результаты хирургического лечения больных опухолями гепатопанкреатодуоденальной зоны// *Анналы хирургической гепатологии*. Том 11. № 3. 2006. С. 32—33.
2. Артемьева Н. Н., Игнатов А. М., Коханенко Н. Ю. и др. Результаты хирургического и комплексного лечения рака поджелудочной железы// *Анналы хирургической гепатологии*. 1999. № 1. С. 34—39.
3. Земляной В. П., Непомнящая С. Л., Рыбкин А. К. Билиарная декомпрессия при механической желтухе опухолевого генеза// *Практическая онкология*. Т. 5. № 2. 2004. С. 18—19.
4. Косырев В. Ю. Профилактика несостоятельности и оценка функционирования билио- и панкреатодигестивных анастомозов после гастропанкреатодуоденальной резекции: Дис...канд.мед.наук. — М., 2001. С. 33—38.
5. Кубышкин В. А., Вишневский В. А., Айрапетян А. Т. и др. Дифференциальная диагностика рака поджелудочной железы // *Хирургия* 2000. С. 21—23.
6. Кубышкин В. А., Вишневский В.А. Рак поджелудочной железы. М., 2003. С. 15—17.
7. Кубышкин В. А. Хирургическое лечение хронического панкреатита с преимущественным поражением головки поджелудочной железы / Козлов И. А., Далгатов К. Д.// *Хирургия*. — 2006. — № 5. — С. 57.
8. Патютко Ю. И., Котельников А. Г. Хирургия органов билиопанкреатодуоденальной зоны/ *Руководство для врачей*— Москва «Медицина» 2007. С. 255—260.
9. Andren — Sandberg A. Giessen international workshop on interactions of exocrine and endocrine pancreatic diseases. / A. Andren — Sandberg, P. D. Hardt // *Jop. J Pancreas (Online)* — 2005. Vol. 6 (4). P. 382—405.
10. Czako L. Interactions between the endocrine and exocrine pancreas and their clinical relevanc / L. Czako, H. Hegyi., J. Z. Rakonczay , Jr., Z. [et. all.] // *Pancreatology* — 2009. — vol. 9. (4) — P. 351—359.4.
11. Guscbieri A., Buess G., Perissat J. Operative manual of endoscopic surgery.- Springer-Verlag, 1993. - Vol.2. - 273 p.
12. Murai R., Hasbig Ch., Kusujama A., Percutanius stenting for malignant biliary stenosis// *Surgical endoscopy*. — 1991. — Vol. 5 — 140 p.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПАТОГЕНЕЗА ВНЕЗАПНОЙ СЕРДЕЧНОЙ СМЕРТИ, МАРКЕРЫ И СПОСОБЫ КОРРЕКЦИИ

Игрунова Ксения Николаевна

д-р мед. наук, руководитель ЦНИЛ, Национальная медицинская академия последипломного образования имени П. Л. Шупика, г. Киев, Украина

Ватлизов Денис Владимирович

канд. биол. наук, ст. науч. сотр., ЦНИЛ, Национальная медицинская академия последипломного образования имени П. Л. Шупика, г. Киев, Украина

Андрियाш Виктория Васильевна

*инженер I кат., ЦНИЛ, Национальная медицинская академия последипломного образования имени П. Л. Шупика, г. Киев, Украина
E-mail: cnidl@yandex.ru*

Введение. В мире наблюдается уменьшение количества смертей от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ), но внезапная сердечная смерть (ВСС) остается очень важной проблемой здравоохранения во всем мире и составляет 60—80 % смертей у больных ишемической болезнью сердца, составляющих 90 % больных ССЗ [10]. Каждый год около 400 000 американцев умирают внезапно, из них около 251 000 - от ВСС. По данным Hohnloser S. [6], ВСС составляет 15—20 % всех ненасильственных случаев смерти среди жителей промышленно развитых стран.

В 1982 году Golgdstein [5] предложил ввести понятие ВСС, куда относили все зарегистрированные случаи смерти, которые наступили в пределах 1 часа с момента появления острых симптомов кардиальной патологии. Несмотря на это, и в настоящее время сохраняются разные подходы при исследовании ВСС, что делает эту проблему «статистическим кошмаром». По данным Kuller L. [7], подходы к проблеме ВСС должны включать временной интервал от начала проявления симптомов заболевания, внезапность начала, данные анамнеза, специфичность этиологии заболевания [9]. Simon S. и др. [8], проведя анализ 106 случаев ВСС, предложили 3 предиктора: первичная аритмия, острая ишемия, и недостаточность насосной функции.

Исходя из вышеприведенного, возникает потребность в разработке концепции развития ВСС, выявлении маркеров развития, прове-

дения исследований относительно эффективности прогнозирования рисков возникновения, профилактики и возможности проверки эффективности способов, которые направлены на предотвращение ВСС, а также разработать схемы подбора индивидуальных схем коррекции и лечения.

Поэтому **целью данного исследования** было проведение в эксперименте моделирования ВСС как результата нарушения регуляции баланса жизнеспособности клеток организма, изучение маркеров развития патологии, что дает возможность определения эффективных методов диагностики групп риска и разработки патогенетически направленных средств коррекции ВСС.

Материалы и методы. Эксперимент проводили на 148 половозрелых крысах массой 280—310 г возрастом 8—9 месяцев. Все манипуляций проводились в одно и то же время суток. Контрольным материалом служила кровь тех самых крыс до начала эксперимента, отбор материала проводился путем венопункции хвостовой вены.

Разработку метода подбора индивидуальных схем коррекции и контроля лечения *in vitro* с учетом исходного состояния организма проводили на клиническом материале. Клиническим материалом служили 220 образцов крови больных с различными сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Состояние клеток организма оценивали по показателям апоптоза и изменений митохондриального мембранного потенциала мононуклеарных клеток крови, отражающих регуляторное влияние нервной и иммунной систем. Для определения уровня апоптоза выделяли мононуклеарные клетки крови (МНК) на градиенте плотности фикола-урографин ($d=1,077$). Для определения апоптоза отбирали по 10^5 клеток.

Исследование уровня индекса индукции апоптоза (ИИА) МНК проводилось в два этапа: первый — исследование уровня спонтанного апоптоза после культивирования клеток, второй — исследование после добавления в культуральную среду индуктора (индуцированный апоптоз). Определение уровня спонтанного апоптоза даёт возможность определить исходное состояние клеток организма, а исследование индуцированного апоптоза выявляет способность клеток противостоять повреждающим факторам. Таким образом, данное исследование дает возможность выявить внутренние повреждения и истощение, не определяемые обычными методами, а именно определить степень истощения или функционального резерва клеток организма [2, 3].

Исследование уровня апоптоза проводили на проточном цитометре PAS (Partec, Германия) с использованием набора для определе-

ния апоптоза Annexin V-FITC Apoptosis detection Kit I (BD Bioscience Pharmingen, США).

Определение изменений мембранного потенциала митохондрий (ММП), отражающего энергетический резерв клетки и внутренний механизм запуска апоптоза, проводили по общепринятой методике [4] с родамином 123 («Fluka»).

Математическая обработка полученных результатов проводилась с использованием методов вариационной статистики. Статистическая значимость между групповых расхождений оценивалась по t-критерию Стьюдента [1].

Результаты и их обсуждение. На первом этапе проводилось экспериментальное моделирование и выявление маркеров развития ВСС. Полученные результаты относительно уровня спонтанного и индуцированного апоптоза использованы для расчета индекса индукции апоптоза.

Исследование уровня спонтанного апоптоза выявило стремительное повышение уровня апоптоза с $15,18 \pm 1,61$ % в контрольном заборе до $25,05 \pm 2,86$ % после 2 недель иммобилизационного стресса. Потом наблюдалось снижение уровня апоптоза до $20,25 \pm 3,17$ % после 4 недель манипуляций, но введение дополнительной стрессовой нагрузки, гипертермии после иммобилизации, привело к повышению уровня апоптоза МНК до $24,60 \pm 2,66$ % после 6 недель, то есть на 2 неделю после введения дополнительной стрессовой нагрузки. Дальнейшее стрессирование экспериментальных животных привело к снижению исследуемого параметра до $13,06 \pm 5,29$ % после 8 недель, что было ниже контрольного значения. После добавления дополнительного стрессорного фактора, повышение активности на фоне гипотермии, на 9 неделе, наблюдалось очередное повышение уровня апоптоза с максимумом после 10 недель $16,61 \pm 3,09$ %, с последующим снижением. А сроки гибели животных в результате сердечной недостаточности, инфаркта миокарда, что было подтверждено результатами вскрытия, $16,67$ % после 1 недели, 20 % после 5 недель и $16,67$ % после 12 недель, указывают на зависимость увеличения риска ВСС в периоды пиковых стрессовых нагрузок (рис. 1а).

Исследование уровня индуцированного апоптоза выявило схожую картину. Так после 2 недель экспериментального исследования уровень индуцированного апоптоза увеличился до $23,94 \pm 2,54$ %, что в 2 раза превышало контрольный показатель $11,83 \pm 3,53$ %, с последующим снижением до $12,28 \pm 2,78$ % после 4 недель и максимумом $24,53 \pm 2,63$ % после 6 недель (рис. 1б).

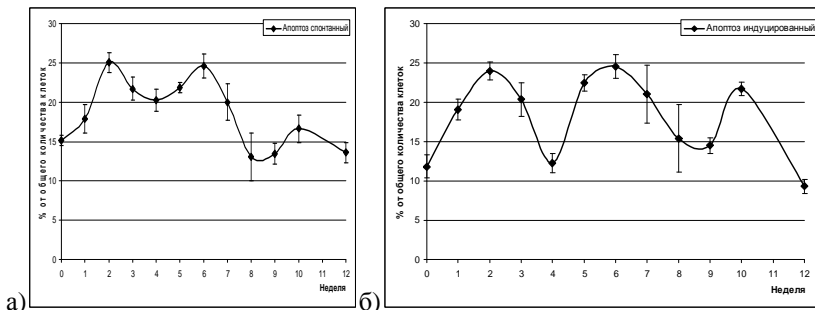

Рис. 1 Динамика изменений уровня спонтанного а) и индуцированного б) апоптоза МНК экспериментальных животных под влиянием длительного иммобилизационно-нагрузочного стресса.

Исследования уровня некроза выявили, что экспериментальное стрессирование практически не влияло на данный показатель и соответствовало контрольному значению $0,51 \pm 0,58$ % на всех сроках отбора крови.

Результаты, полученные после расчета индекса индукции апоптоза, показали, что избранная модель вызывает изменения функционального резерва клеток организма и приводит в конечном итоге к истощению, которое, в свою очередь, приводит к смерти после увеличения нагрузок и может быть прогнозируемой. Так, было показано, что у крыс возрастом 8—9 месяцев контрольное значение ИИА составляет $1,346 \pm 0,286$ у. е. и превышает норму $0,500—0,700$. Это указывает на то, что у данной группы экспериментальных животных наблюдалось истощение, обусловленное возрастной недостаточностью адаптации. Нашими исследованиями показано, что стресс приводит к активации восстановительных систем клеток организма, что отображается в снижении ИИА до $0,933 \pm 0,106$ у. е., но также приводит к смерти 16,67 % после 1 недели. Увеличение сроков эксперимента выявило развитие адаптации к стрессу на 4 неделю ($1,725 \pm 0,477$ у. е.), но добавление дополнительной нагрузки привело к резкому снижению ИИА до $0,976 \pm 0,059$ у. е. и смерти 20 % животных. Результаты, полученные на поздних сроках эксперимента, указывают на истощение и снижение функционального резерва клеток организма (рис. 2).

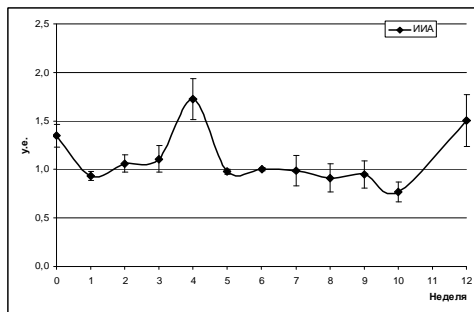

Рис. 2. Динамика изменений индекса индукции апоптоза мононуклеарных клеток крови экспериментальных животных под влиянием длительного иммобилизационно-нагрузочного стресса.

Проведенные исследования крови крыс, стрессированных согласно предложенной модели, дали возможность выявить точки критических нагрузок, прогнозировать дальнейшие исследования по моделированию ВСС и выявить прогностические маркеры ВСС. Было показано, что исследование индекса индукции апоптоза дает возможность оценить функциональный резерв клеток организма и прогнозировать развитие патологий, а также является чувствительным показателем состояния организма. Таким образом, исходя из результатов экспериментального исследования, которое позволило выявить чувствительный маркер состояния организма, было решено провести исследования возможности коррекции и разработать метод подбора индивидуальных схем коррекции и контроля лечения *in vitro* с учетом исходного состояния организма.

Было предложено использовать методику оценки функционального резерва клеток организма для определения эффективности препаратов коррекции регулирующих клеточный энергетический обмен. Для этого, в инкубационную среду добавляли препарат коррекции в лечебной концентрации в пересчете на объем среды без изменения концентрации других веществ. До и после этого проводили методику по схеме. Одновременно проводили исследование влияния двух препаратов.

Было показано, что использование обоих препаратов коррекции приводит к снижению уровня как спонтанного, так и индуцированного апоптоза МНК в сравнении с контрольными значениями уровня апоптоза, $22,66 \pm 9,90$ % спонтанного и $28,07 \pm 7,84$ % индуцированного соответственно. Причем 1 препарат коррекции в сравнении со 2 препаратом приводит к большему снижению уровня спонтанного ($19,13 \pm 6,52$ % и $19,72 \pm 6,19$ % соответственно), но к меньшему

снижению индуцированного апоптоза ($27,72 \pm 7,52$ % и $24,20 \pm 6,85$ % соответственно) (рис. 3а).

Поскольку существенных различий в уровнях апоптоза не было обнаружено, основное внимание обратили на показатели индекса индукции апоптоза. Так было показано, что применение препарата коррекции 1 снижает показатели ИИА до $0,691 \pm 0,147$ у. е. при том, что исходный показатель был на уровне $0,817 \pm 0,259$ у. е. и превышал нормальные показатели ($0,500—0,700$ у. е.). Использование препарата коррекции 2 приводило к увеличению ИИА до $0,878 \pm 0,408$ у. е. (рис. 3б).

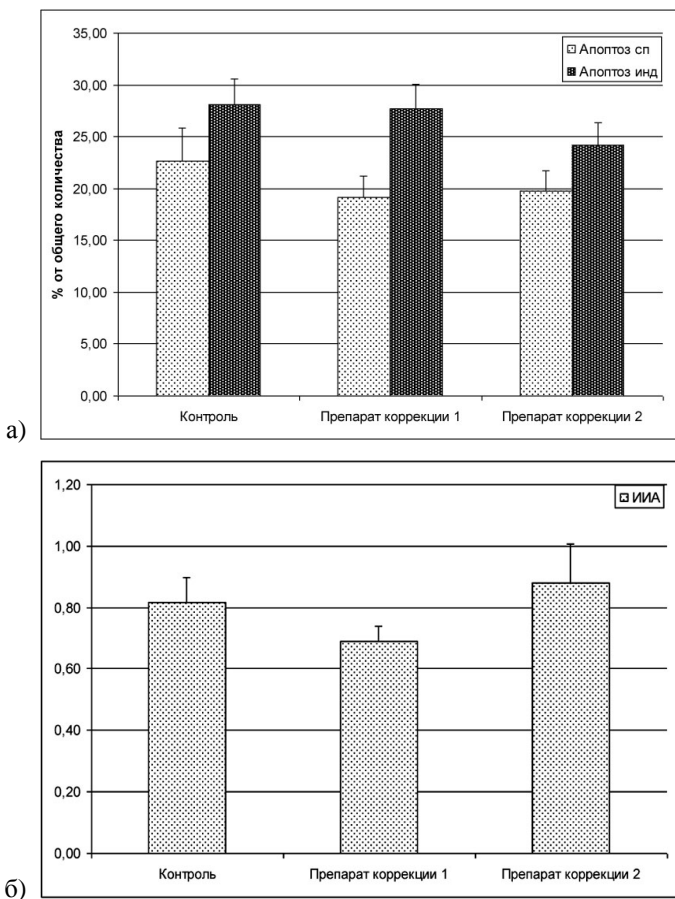

Рис. 3. Влияние препаратов коррекции на уровень апоптоза а) и индекс индукции апоптоза б) МНК больных.

Таким образом, результатами, полученными в ходе исследований, показано, что использованная в исследованиях модель приводит к внезапной сердечной смерти. Также выявлено маркеры, дающие возможность предсказать и оценить риск развития ВСС. Предложенные исследовательские приемы по показателям апоптоза, дают возможность прогнозировать как риски развития критических состояний, так и быть базовыми для усовершенствования методики точного диагностического алгоритма выявления риска ВСС и индивидуального контроля эффективности лечения сердечно-сосудистых патологий, что приводит к ВСС. На основе проведенных экспериментальных исследований была предложена и опробована методика индивидуального подбора препаратов коррекции и контроля лечения *in vitro*.

Список литературы:

1. Гланц С. Медико-биологическая статистика / пер. с англ. М.: Практика, 1999. 459 с.
2. Данченко Е. О. Лабораторные методы оценки апоптоза и некроза // Медицинская панорама (Лабораторная медицина). 1999. N 3. С. 18—19.
3. Ігрунова К. М., Моторна М. М., Степачова Т. І. Апоптоз мононуклеарних клітин крові у хворих з патологією серцево-судинної систем // Лабораторна діагностика. 2004. № 1. С. 16—18.
4. Flow cytometry: a practical approach 3rd edition /University of Oxford ; edited by Michael G. Ormerod. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 276 p.
5. Goldstein S., Medendorp Sh. V., Landis J. R., Wolfe R. A., Leighton R., Ritter G., VAsu C. M., Acheson A.: Analysis of cardiac symptoms preceding cardiac arrest // Amer.J.Cardiol. 1986. Vol. 58. N 13. P. 1195—1198.
6. Hohnloser S. H. Der plotzliche Herztod. Diagnostik und Therapie bei Patient mit malignen ventrikularen // Arrhythmien. Therapiwoche. 1988. Vol. 38. N 43. P. 3160—3164.
7. Kuller L. H. Sudden death - definition and epidemiologic consideration // Prog. Cardiovasc. Dis. 1980. Vol. 23. N 1. P. 1—12.
8. Simon S. R., Powel L. H., Bartzokis T. C., Hoch D. H. A new system for classification of cardiac death as arrhythmic, ischemic, or due to myocardial pump failure // Am. J. Cardiol. 1995. Vol 76. N 12. P. 896—898.
9. Topol E. J., Smith J., Plow E. F., Wang Q. K. Genetic susceptibility to myocardial infarction and coronary artery disease // Human Molecular Genetics. 2006. Vol. 15. N 2. P. R117—R123.
10. Zheng Z. J., Croft J. B., Giles W.H., Mensah G. A. Sudden cardiac death in the United States, 1989 to 1998 // Circulation. 2001. Vol. 104. N 18. P. 2158—2163.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КРУПНОЙ И МЕЛКОЙ МОТОРИКИ ПРИ ГЕМИПАРЕТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ДЕТСКОГО ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПАРАЛИЧА.

Уханова Татьяна Алексеевна

канд. мед. наук, ведущий невролог, ЗАО «СТК «Реацентр», г. Самара

E-mail: reacenter@mail.ru

Современные технологии медицинской реабилитации в том числе физиотерапевтические, являются неотъемлемой составляющей комплексного подхода к лечению пациентов с расстройствами опорно-двигательного аппарата и нервной системы [14]. Однако несмотря на комплексное применение лечебной физкультуры, массажа, лечебных физических факторов различной природы (электрического тока различных характеристик, магнитного и электромагнитного полей, низкоинтенсивного лазерного излучения, ультразвука и др.), а так же лекарственных средств, направленных на снижение мышечного тонуса, у пациентов, страдающих детским церебральным параличом (ДЦП), в связи с нередуцированными тоническими рефлексам, к 3 годам формируются патологические мышечные синергии с соответствующими патологическими установками конечностей. В связи с чем, в настоящее время продолжается активная разработка новых научно обоснованных методов медицинской реабилитации с сочетанным использованием современных немедикаментозных и лекарственных средств, призванных повысить эффективность восстановительной коррекции нарушенных психо-моторных функций у пациентов с ДЦП.

Физиотерапевтические методы воздействия с применением электрического тока микроамперного диапазона оказывают положительное воздействие на нейродинамические процессы в коре головного мозга, способствуя разворачиванию компенсаторных процессов, существенно облегчают и ускоряют реабилитационный процесс неврологических больных [2]. В последние годы целый ряд авторов отдают предпочтение неинвазивным вариантам электрорефлексотерапии: микротоковой рефлексотерапии, в связи с ее максимальным соответствием концепции малодозового физического воздействия, вызывающего максимальные положительные сдвиги в организме в сторону саногенеза [4], которое имеет решающее значение при выборе метода реабилитационного воздействия у пациентов с ДЦП.

Гемипаретическая форма ДЦП формируется интранатально — под воздействием асфиксии и нарушения мозгового кровообращения,

либо в период новорожденности в результате черепно-мозговой травмы, нейроинфекции или интоксикации. У пациентов данной группы в первую очередь происходит повреждение пирамидного и экстрапирамидного пути. В результате систематических лечебных мероприятий пациенты с гемипаретической формой ДЦП хотя и дефектно, но начинают ходить. Однако движения верхней конечности восстанавливаются плохо, пальцы паретичной руки сжаты в кулак, первый палец приведен, стойко повышен тонус мышц сгибателей плеча и предплечья, а разгибатели гипотрофированы [10]. Длительное существование патологической установки верхней конечности приводит к формированию контрактур в суставах. В результате у пациентов, с гемипаретической формой ДЦП практически не развиваются навыки крупной и мелкой моторики пораженной верхней конечности.

В последние годы, в реабилитации пациентов, страдающих ДЦП, применяются современные методы лечения, не только корректирующие мышечный тонус и рефлекторную деятельность, но так же оказывающие непосредственное влияние на восстановление нейрофизиологических функций головного мозга, за счет активации процессов миелинизации и формирования дендритного дерева с восстановлением межнейрональных связей и коррекции нейрометаболических нарушений [2]. Так для развития двигательных навыков у пациентов с ДЦП активно используется микротоковая рефлексотерапия (МТРТ) и отечественный нейропротектор кортексин. МТРТ — воздействие на БАТ постоянным и переменным током микроамперного диапазона с целью оказания лечебного воздействия, направленного на восстановление корково-подкорковых функциональных взаимоотношений и коррекцию тонуса мышц опорно-двигательного аппарата. Так оказание лечебного воздействия на БАТ краниоспинальной области способствует стабилизации рефлекторной деятельности ствольных структур головного мозга [6, 8]. Воздействие на зоны скальпа краниоакупунктуры током микроамперного диапазона способствует повышению функциональной активности моторных зон коры головного мозга [7]. Воздействие на триггерные зоны спастичных мышц постоянным отрицательным электрическим током микроамперного диапазона позволяет снижать их мышечный тонус. Воздействие на мышцы, находящиеся в состоянии гипотрофии, стимулирующим знакопеременным током позволяет активизировать трофические процессы и запустить механизм реиннервации паретичных мышц опорно-двигательного аппарата [4].

Отечественный нейропротектор кортексин является базовым препаратом в комплексном лечении ДЦП. Баланс, существующий в кортексине между возбуждающими аминокислотами-нейромедиаторами

(глутаминовая кислота, глутамин, аспартат) и тормозными (глицин, таурин, фрагменты ГАМК, серин) определяет эффект снижения мышечного тонуса при патологии верхнего мотонейрона, а так же его противосудорожные свойства [15]. Данный препарат способен проникать через гематоэнцефалический барьер и обладает не только трофическим органоспецифическим действием, но может способствовать активизации дендритного ветвления в связи с оказываемыми им ГАМКэргическими влияниями [11].

Указанные свойства МТРТ и нейропротектора кортексин дают основание ожидать, что их сочетанное применение позволит оказывать комплексное воздействие как на периферическое так и на центральное звено патогенеза двигательных нарушений: корректирующее рефлекторную деятельность и тонус мышц опорно-двигательного аппарата, а так же повышающее функциональную активность моторных зон головного мозга, пострадавших от гипоксии, за счет активизации дендритного ветвления в них. В связи с тем, что кортексин оказывает положительное влияние на процессы электрогенеза головного мозга, восстанавливая его биоэлектрическую активность [5], его сочетанное применение с МТРТ может повысить потенциальную активность нервных клеток коры головного мозга и их функциональный ответ на электрическую стимуляцию БАТ.

Целью данной работы явилось изучение эффективности реабилитационного метода лечения, сочетающего в себе курсовое применение МТРТ и ноотропа кортексин у больных с гемипаретической формой ДЦП для коррекции двигательных нарушений.

Материалы и методы

Для изучения лечебной эффективности МТРТ в сочетании с кортексином у пациентов, страдающих гемипаретической формой ДЦП с нарушением двигательных функций, было обследовано и получили лечение 60 детей в возрасте от 2-х до 7-и лет. Диагноз детский церебральный паралич, гемипаретическая форма выставлен в соответствии с классификацией К. А. Семеновой [1]. Лечение проводилось в амбулаторных условиях Детского отделения неврологии и рефлексотерапии Самарского терапевтического комплекса «Реацентр».

Все 60 детей с диагнозом гемипаретическая форма ДЦП получали базовую терапию: повторные курсы массажа и комплексы лечебных физических упражнений. Методом рандомизации дети были разделены на 2 группы. В I-ю (основную) группу вошли 30 детей, получавших МТРТ в сочетании с нейропротектором кортексин по описанной ниже методике. Во II-ю группу (сравнения) вошли 30 детей, получавших монотерапию в виде повторных курсов МТРТ.

Всем пациентам проведена двукратная клинико-неврологическая оценка двигательных нарушений, мышечного тонуса, объема активных и пассивных движений и имеющихся двигательных навыков верхней и нижней конечности. Клинико-неврологическое обследование включало: пальпаторное обследование тонуса мышц, исследование объема пассивных движений по методике Фелпса, а так же наблюдение за двигательной активностью ребенка в привычной обстановке для выявления патологических установок и оценки объема активных движений в конечностях, нарушений развития навыка ходьбы и развития крупной и мелкой моторики рук. При оценке мышечного тонуса (МТ) и объема активных и пассивных движений в суставах была использована 8 бальная шкала: 7 баллов — МТ повышен грубо, пассивные и активные движения в суставе не возможны; 6 баллов — МТ повышен грубо, пассивные движения затруднены, активные движения в суставе не возможны; 5 баллов — МТ повышен, полный объем пассивных движений, активные движения резко ограничены; 4 балла — МТ повышен, активные движения осуществляет только по просьбе, не в полном объеме; 3 балла — МТ умеренно повышен, полный объем активных движений в суставе, но требуется приложение усилия; 2 балла — МТ умеренный, повышается при эмоциональном волнении, полный объем движений в суставе; 1 балл — МТ без особенностей, объем движений не ограничен, но сохраняется привычное положение конечности; 0 баллов — МТ без особенностей, объем движений не ограничен. При оценке неврологического статуса особое внимание уделялось развитию крупной и мелкой моторики паретичной верхней конечности.

У всех 60 пациентов до начала исследования отмечались двигательные нарушения верхней и нижней конечности. При неврологическом осмотре были выявлены характерные патологические установки конечностей и туловища: приведение плеча, сгибание и пронация предплечья, сгибание и ульнарное отклонение кисти, приведение большого пальца руки, сколиоз позвоночного столба, эквиноварусная или вальгусная деформация стопы, установка стопы на передний край, сгибание в коленном и тазобедренном суставе. Так же отмечалась цианотичность конечностей в дистальных отделах и их похолодание на ощупь. Патологические установки в руке у всех пациентов преобладали и были выражены больше, чем в ноге. Наибольшая степень выраженности патологических установок с атрофией и значимым отставанием в росте паретичных конечностей была выявлена у детей в возрасте с 5-и до 7-и лет. Не владели навыком самостоятельной ходьбы 34 % пациентов из группы, они передвигались лишь с помощью родителей с

поддержкой за одну руку. Овладение навыком самостоятельной ходьбы у них затрудняла недостаточность равновесия и невозможность использования паретичной руки для защиты при падении. 54 % пациентов практически не пользовались пораженной верхней конечностью в быту и при игровой деятельности, хотя минимальный объем движений, выполняемых по просьбе врача был возможен. У 32 % детей активные движения в дистальных отделах конечности были не возможны. А 14 % двигательные навыки верхней конечности были частично сформированы и они могли самостоятельно раскрывать кисть, брать предметы, разгибать и супинировать предплечье, но данный объем движений был доступен им в положении лежа или сидя, в то время как в положении стоя и при ходьбе мышечный тонус и выраженность патологических установок нарастали и объем активных движений резко ограничивался.

При проведении ЭЭГ у пациентов были выявлены признаки дезорганизации корковой ритмики (63 %), замедления темпов развития биоэлектрической активности мозга (40 %), дисфункции срединно-стволовых структур (83 %), а так же в ряде случаев снижение порога судорожной готовности (17 %).

МТРП проводилась с использованием аппарата «МЭКС» (регистрационное удостоверение ФСР 2008/02226 от 17.03.2008 г.). МТРП проводилась 3 курсами, состоящими из 15 процедур, длительность каждой процедуры составляла 40—50 мин. Курсы лечения проводили с перерывами: 1 месяц между 1-м и 2-м курсами лечения и 2 месяца между 2-м и 3-м курсами лечения МТРП. Методика лечения заключалась в следующем: воздействие осуществлялось последовательно на БАТ краниоспинальной области, на зоны краниоакупунктуры, на БАТ над мышцами-антагонистами. Воздействие осуществляли в двух режимах: Режим торможения — постоянный отрицательный ток, силой 80 мкА. Режим возбуждения — переменный ток, с частотой смены полярности 0,5 Гц, силой 80 мкА. Время воздействия на каждую БАТ — 60 сек. Режим торможения применяли при воздействии на корпоральные БАТ классических меридианов (английская аббревиатура) краниоспинальной области: GB20, GB21, GB12, BL11, LI15 и при воздействии на локальные БАТ, находящиеся в центре проекций следующих спастичных мышц: *m. gastrocnemius*, *m. soleus*, *m. biceps femoris*, *m. gluteus maximus*, *m. brachioradialis*, *m. biceps brachii*, *m. pronator teres*, *m. flexor digitorum*, *m. flexor carpi radialis*, *m. pectoralis major* [9]. Режим возбуждения применяли при воздействии на зоны краниоакупунктуры [12]: моторная зона — Височнотеменная область скальпа (СкВТ) № 10, психомоторная зона — СкВТ

№ 15, моторно-чувствительная зона — Теменная область скальпа (СкТ) № 16 и при воздействии на локальные БАТ, находящиеся в центре проекций следующих паретичных мышц на кожный покров: *m. tibialis anterior*, *m. peroneus longus*, *m. extensor digitorum*, *m. triceps*, *m. deltoideus*. При проведении процедур МТРТ пациенты находились в состоянии спокойного бодрствования, в положении лежа.

Препарат кортексин использовался в виде внутримышечных инъекций в дозе 10 мг, содержимое флакона растворяли в 2,0 мл 0,5 % раствора новокаина или изотонического раствора натрия хлорида. Лечебный курс состоял из 10 инъекций однократно через день в первой половине дня. Медикаментозное лечение проводилось 2 курсами, после окончания 1 и 3 курса МТРТ, продолжительность курса лечения препаратом кортексин составляла 20 дней.

Результаты и обсуждения

По окончании курса реабилитационной программы у всех 60 пациентов, участвующих в исследовании, была выявлена положительная динамика в виде снижения тонуса спастичных мышц пораженных конечностей, которое сопровождалось увеличением объема активных и пассивных движений. Большая часть пациентов к окончанию реабилитационной программы приобрела навык самостоятельной ходьбы: в I группе им овладели 29 пациентов (97 %), во II группе — 27 пациентов (90 %). Степень нарушения мышечного тонуса паретичной нижней конечности на момент начала реабилитационной программы в I и II группах практически не различалась ($3,30 \pm 0,45$ балла в основной и $3,33 \pm 0,44$ балла — в контрольной группе). После окончания реабилитации величина данных показателей составила в I группе $1,43 \pm 0,49$ балла и $1,53 \pm 0,50$ балла во II группе.

При оценке неврологического статуса отмечалось так же снижение мышечного тонуса пораженной верхней конечности, в виде увеличения объема активных и пассивных движений и развития новых двигательных навыков. Так, если до начала лечения степень нарушения мышечного тонуса паретичной верхней конечности в I и II группах практически не различалась ($5,37 \pm 0,62$ балла в основной группе и $5,27 \pm 0,60$ балла — в контрольной группах), то к окончанию реабилитационной программы (после окончания 3-го курса) отмечалось более выраженное снижение мышечного тонуса в I группе: результаты составили $3,06 \pm 0,49$ балла в I-й группе и $3,93 \pm 0,48$ балла во II-й группе. В I группе положительная динамика в виде развития простых двигательных навыков (раскрытие кисти, захват и удержание предмета, супинация предплечья), отмечалась у 19 пациентов (63 %), а во II группе — у 14 пациентов (47 %). Однако развитие сложной

манипулятивной деятельности паретичной верхней конечности (удержание и поднесение ко рту ложки или стакана, перемещение игрушек во время игры) и появление автоматизированной сочетанной работы двух рук (в процессе одевания или построения из кубиков) отмечалось во I группе в 2,2 раза чаще: в I группе у 11 больных (37 %), в то время как во II группе лишь у 5 больных (17 %). Развитие мелкой моторики паретичной верхней конечности с использованием указанных новых двигательных навыков в быту отмечалось у пациентов возрастной группы с 2-х до 5-и лет.

По результатам ЭЭГ после окончания курса лечения были отмечены положительные изменения, выразившиеся в уменьшении представленности синхронно-билатеральной медленно-волновой активности, характерной для дисфункции срединно-стволовых структур, увеличении частоты основного ритма, появлении и увеличении представленности альфа- и бета-ритма в соответствующих областях коры головного мозга. Данные изменения были выявлены в I группе у 21 пациента (71 %), а во II группе у 16 пациентов (53 %). При этом частота выявления пароксизмальной активности при проведении рутинной ЭЭГ после окончания реабилитационной программы снизилась в I группе до 10 %, во II группе до 13 %: эпилептиформные паттерны (острая-медленная волна, группы острых волн) сохранялись у 3 пациентов I группы и 4 пациентов II группы.

На основании динамического наблюдения за пациентами (72 % от всех пролеченных больных) в течение 6 месяцев после окончания лечения были выявлены следующие результаты: достигнутая положительная динамика в виде снижения мышечного тонуса и увеличения объема пассивных и активных движений пораженных конечностей носила стойкий характер у всех пациентов из I и у 16 пациентов II группы (66 %), из находившихся под наблюдением. У 7 пациентов из I группы (29 %), из находившихся под наблюдением так же отмечался эффект последствия — дальнейшее усложнение навыков мелкой моторики, выработанных в процессе реабилитационной программы, с использованием их в бытовой и игровой деятельности. Указанный эффект отмечался только у пациентов I группы с 2-х до 5-и лет.

Проведенным исследованием установлено, что применение МТРТ в реабилитации пациентов с гемипаретической формой ДЦП способствует стабилизации мышечного тонуса опорно-двигательного аппарата, формированию навыка самостоятельной ходьбы, а так же способствует развитию простых двигательных навыков верхней конечности. Для повышения эффективности реабилитационных мероприятий целесообразно применять сочетание МТРТ с нейропротектором

кортексин. Указанное сочетание позволяет в целом ряде случаев развить не только крупную, но и мелкую моторику пораженной верхней конечности с дальнейшим усложнением манипулятивной деятельности верхней конечности.

Стойкое улучшение двигательных функций и хорошая переносимость комплексного лечения МТРТ в сочетании с препаратом кортексин позволяет рекомендовать ее применение в реабилитации больных с гемипаретической формой ДЦП. Однако для развития сочетанной автоматизированной деятельности обеих рук и манипулятивной деятельности пораженной верхней конечности с приобретением бытовых навыков более целесообразно применение комплексного лечения у детей в возрасте с 2х до 5-и лет.

Таким образом, комплексное лечение МТРТ в сочетании с нейропротекторной терапией целесообразно применять при реабилитации пациентов с нарушением двигательных функций для развития навыка самостоятельной ходьбы и восстановления манипулятивной деятельности паретичной верхней конечности.

Список литературы:

1. Бадалян Л. О., Журба Л. Т., Тимонина О. В. Детские церебральные параличи. — Киев: Здоров'я, 1988. 328 с.
2. Богданов О. В., Физиологические основы восстановления функций мозга и реабилитации организма, СПб.: Изд—во СПб ГУ., 2000. 59 с.
3. Бортфельд С. А., Рогачева Е. И. Лечебная физкультура и массаж при детском церебральном параличе. — М.: Медицина, 1986. 171 с.
4. Гаврилова Н. А., Левин А. В., Резаев К. А., Микрофоковая рефлексотерапия в реабилитации больных после перенесенного острого нарушения мозгового кровообращения // Восстановительная медицина и реабилитация: тезисы докл. Седьмой международный конгресс — Спб., 2010. — С. 30.
5. Головкин В. И., Кортексин в лечении эпилепсии. Сборник научных статей: Кортексин. Пятилетний опыт отечественной неврологии — Спб.: Наука, 2005, С. 151—155.
6. Крюков Н. Н., Левин А. В., Уханова Т. А., и др. Электропунктурная диагностика и терапия заболеваний нервной системы и расстройств психологического развития у детей: Учебно-методическое пособие для врачей. — Самара, 2008. 44 с.
7. Лувсан Г. Традиционные и современные аспекты восточной рефлексотерапии. — М.: Наука, 1986. — 574 с.
8. Мачерет Е. А., Коркушко А. О. Основы электро- и акупунктуры. — Киев: «Здоров'я», 1993. 137 с.

9. Самусев Р. П. Атлас анатомии человека. — М.: Мир и Образование, 2004. 704 с.
10. Семенова К. А. Восстановительное лечение детей с перинатальным поражением нервной системы и с детским церебральным параличом. — М., 2007. — С. 242—260.
11. Скворцов И. А., Ермоленко Н.А. Развитие нервной системы у детей в норме и патологии. — М., 2003. — С. 41—50.
12. Стояновский Д. Н. Рефлексотерапия. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1987. С. 300—313.
13. Тарасова Н. В., Уханова Т. А., Левин А. В., Гаврилов А. П. Сочетанное применение Микротоковой рефлексотерапии и препарата «Кортексин» для восстановления двигательных и речевых функций у пациентов страдающих детским церебральным параличом: Учебно-методическое пособие для врачей. — Самара, 2011. 50 с.
14. Хан М. А., Балаболкин Н. И., Быкова М. В. и др. // Актуальные проблемы санаторно-курортного лечения детей: Матер. науч. практич. конференции. — Евпатория, 1995. Вып. 3. — С. 61 62.
15. Шабалов Н. П., Скоромец А. П., Шумилина А. П. и др. Ноотропные и нейропротективные препараты в детской неврологической практике // Вестник Российской Военно-медицинской академии. — 2001. № 1 (5). — С. 24—29.

СЕКЦИЯ 8.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

ДЕГРАДАЦИЯ ЛАНДШАФТОВ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ ВОЛГИ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ РАБОТЫ ВОЛЖСКОГО ГИДРОУЗЛА

Овчарова Анжелика Юрьевна

аспирант, ВГСПУ, г. Волгоград

E-mail: missis.pavlova82@yandex.ru

Несомненно, Волго-Ахтубинская пойма является неповторимым природным аazonальным образованием, возникшим в голоценовое время (10—12 тыс. лет назад). Она занимает территорию площадь которой составляет 7600 км². Из них 20 % (1960 км²) приходится на Волгоградскую область, 75 % (5640 км²) — на Астраханскую область и 5 % (40 км²) — на Республику Калмыкия.

Сегодня на конференциях, в научных сборниках естественно-географического, технического направлений и даже в периодической печати непременно рассматриваются различные проблемы и вопросы, касающиеся Волго-Ахтубинской поймы, функционирования Волжской ГЭС, Волгоградского водохранилища и самой Волги. Это говорит о всевозрастающем интересе к данной проблеме и острой необходимости ее решения.

Этот «оазис жизни» в зоне полупустыни — последний, практически единственный участок долины Волги, сохранивший естественное строение. Уникальная ценность поймы — водно-болотные угодья ключевые орнитологические территории международного значения — места гнездования и отдыха птиц, заливные луга с максимальной продуктивностью, нерестилища, плодородные пойменные земли, пойменные дубравы. Ландшафт занимает пойменное пространство между основной рекой Волгой и ее притоком Ахтубой с многочисленными протоками внутренней части поймы и россыпью больших и малых озер. Здесь встречается около 800 видов высших сосудистых растений и 300 видов позвоночных животных. Более 50 видов растений и животных занесенных в Красные книги Волгоградской области.

В Волго-Ахтубинской пойме выделяются следующие основные типы ландшафтов [3, с. 62]:

- наземные ландшафты: пойменные леса (прирусловые, внутривпойменные), пойменные луга (заболоченные, влажные, сухие), агроландшафты, рекреационные и селитебные ландшафты;
- водные ландшафты: водотоки (русловые с подтипами), озера (старичные и ильменные с подтипами), сезонные водоемы (весенние поймы), искусственные водоемы (пруды, временные водоемы с подтипами).

Интразональные ландшафты Волго-Ахтубинской поймы сформировались на фоне Прикаспийской полупустыни под влиянием почти ежегодного затопления поверхности поймы полыми водами. К началу заселения территории человеком, возможно структура естественных угодий была такова: леса (дуб, тополь, ива и др.) — 40 %, луга и кустарники — 40 %, водно-болотные угодья — 20 % [2, с. 89]. На сегодняшний день картина сильно изменилась — резко сократилась площадь пойменных лесов и водно-болотных угодий и, в то же время, возросла доля вторичных лугов. Так, например, в северных районах Волго-Ахтубинской поймы в пределах Волгоградской области лесистость составляет около 10 %. По мере движения с севера на юг происходит уменьшение относительной площади лесов. В Волго-Ахтубинской пойме на территории Астраханской области леса занимают 4—5 % территории отдельных районов, а в дельте Волги — не более 2—3 % [5, с. 74].

Лесные природно-территориальные комплексы Нижней Волги имеют решающее значение для поддержания ее биоразнообразия, формирования комфортных условий для жизни людей, и даже региональных глобальных биосферных процессов.

Все виды ландшафтов Волго-Ахтубинской поймы испытывают значительные негативные воздействия такие, как: незаконные вырубки дубрав; пожары; распространение чужеземных растений, вытесняющих местные виды; выпас скота; нерегламентированная рекреация, но главенствующим фактором в деградации природных экосистем поймы, безусловно, является строительство Волгоградского гидроузла.

С началом сооружения каскада Волжской ГЭС возникло множество проблем, в том числе и проблемы, связанные с изменением гидрологического режима Волги. Прежде всего, следует отметить уменьшение объема стока Волги. Изменилось и внутригодовое распределение стока, в результате чего высоты и продолжительность весенних паводков сократилась, уровень грунтовых вод понизился, произошло разобщение и изоляция верхних подземных водоносных горизонтов, отмирание ряда протоков и ериков. В конечном итоге это

приводит к засолению почв, усыханию лесов, остепнению лугов на возвышенных участках, а также к уменьшению или прекращению накопления пойменного ила [2, с. 88].

В естественных природных условиях были характерны половодья с достаточно высоким уровнем максимального расхода воды. Так, на долю всех половодий (с 1881 по 2011 гг.) свыше 40 м³/сек. приходилось 25 %. После зарегулирования, ввода в эксплуатацию первого водохранилища Волжско-Камского каскада (1937 г.), максимальный расход воды с этого времени не превысил 40 м³/сек [1, с. 82].

Как показали современные исследования, зарегулирования стока Волги и сокращение продолжительности и высоты половодья привели к снижению уровня грунтовых вод в северной части поймы. Это негативно сказывается на состоянии пойменных лесов, лугов, водноболотных угодий, почвенного покрова, энтомофауны. Корневая система древесной растительности обеспечивается водой за счет грунтовых вод, уровень которых после возведения Волжской ГЭС значительно снизился. Лесная растительность постепенно сменяется вторичными лугами, а в естественных луговых сообществах все больше преобладают ксерофитные формы.

Проведенное экспедиционное обследование лесных массивов на территории природного парка «Волго-Ахтубинская пойма» показали, что изменение гидрологического режима рек вызвало массовое усыхание пойменных лесов из всех главных пород на мелких дерновых почвах. На мощных луговых почвах обвалованных дубрав (северной части) и искусственных тополельниках южной части Волго-Ахтубинской поймы резкое ухудшение состояния главных пород связано с интенсивным засолением почв и грунтовых вод. При недостатке кислорода токсичный эффект труднорастворимых солей (сульфатов) усиливается. Засухоустойчивые, но не поймостойкие породы в новых лесных культурах, погибают в многоводные годы [4, с. 26].

Изменение экологических условий, связанные с зарегулированием стока Волги, приводят к ксерофитизации травянистой растительности и снижением численности энтомофагов. Все больше усилий требует борьба с массовыми листогрызущими насекомыми.

Также, необходимо отметить, что изменение гидрологического (промывного) режима поймы вызывает нарушения в аллювиальных процессах, которые и формируют плодородные аллювиальные почвы, а также приводит к ее засолению.

Таким образом, изменения в режиме функционирования Волго-Ахтубинской поймы в результате зарегулирования Волги привели к

необратимым процессам во всем природно-территориальном комплексе Нижневолжской долины.

Для решения проблемы затопления и обводнения Волго-Ахтубинской поймы необходимо составить график «Геоэкологического оптимума», который позволит: восстановить гидравлическую связь между водоемами поймы (промывной режим), сохранить ее уникальный почвенно-растительный покров, интразональные ландшафты, сохранить и поддержать биологическое разнообразие поймы, т. е. восстановить естественный природно-территориальный комплекс данной местности. На сегодняшний день крайне сложно удовлетворить потребности всех, кто нуждается в воде: энергетиков, ихтиологов, экологов, сельскохозяйственных работников. На мой взгляд, необходимо найти ту самую «золотую середину» между экологией и экономикой. Волжско-Камский каскад водохранилищ позволяет отрегулировать до идеального состояния обводнение Волго-Ахтубинской поймы в течение всего года. Необходим разумный и рациональный подход к данному вопросу.

Список литературы:

1. Брылев В. А., Овчарова А. Ю. Проблемы экологического функционирования Волго-Ахтубинской поймы в пределах Волгоградской области // География, геоэкология, геология: опыт научных исследований: Материалы VIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. проф. Л. И. Зеленской. ГНПП «Картография»: 2011. Вып. 8. — С. 82—83.
2. Брылев В. А., Стрельцова Е. Н., Аристов А. В. Изменение геоморфологических процессов и ландшафтов в Волго-Ахтубинской пойме в связи с зарегулированием гидрологического режима Волги // Геоморфология. М.: 2001. — С. 87—93.
3. Буруль Т. Н., Клинова Г. Ю. Ландшафты долины Нижней Волги // Природные комплексы и биоразнообразие долины Нижней Волги. Волгоград, 2011. — С. 60—67.
4. Доклад о состоянии окружающей среды Волгоградской области в 2003 году. Волгоград; 2004. — 276 с.
5. Клинова Г. Ю. Леса // Природные комплексы и биоразнообразие долины Нижней Волги. Волгоград, 2011. — С. 74—81.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ГРАФИКА «ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОПТИМУМА» ДЛЯ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОЛГО-АХТУБИНСКОЙ ПОЙМЫ

Обчарова Анжелика Юрьевна

аспирант, ВГСПУ, г. Волгоград

E-mail: missis.pavlova82@yandex.ru

В октябре 1958 года в северной части Волгограда река была перекрыта плотиной ГЭС, в результате чего образовалось Волгоградское водохранилище. Его образование вызвало изменение гидрологического режима. Так, если до сооружения гидроузла скорость течения Волги в межень составляла 0,8—1,0 м/сек, а в периоды половодий — 2 м/сек, то после зарегулирования, даже в половодье течение в водохранилище не превышает 0,5—0,7 м/сек. Необходимо отметить, что течение захватывает лишь верхнюю часть слоя воды. То же самое можно наблюдать по направлению к берегам, особенно к левому берегу. Благодаря чему влияние течений на размыв дна и берегов водохранилища значительно снизилось по сравнению с естественными условиями [2, с. 110].

В естественных условиях были половодья с достаточно высоким уровнем максимального расхода воды. Так, на долю всех наблюдаемых половодий (с 1881 по 2011 гг.) свыше 40 м³/сек приходилось 25 %. После зарегулирования, ввода в эксплуатацию первого водохранилища Волжско-Камского каскада (Иваньковское водохранилище — 1937 г.), максимальный расход воды не превысил 40 м³/сек.

В нижнем бьефе Волгоградского водохранилища изменился весь природный комплекс. Причина заключается в снижении уровней половодья и его продолжительности. Особенно резко процесс усыхания поймы проявился в последние десятилетия, так как в современных экономических условиях во время половодья в пойму просто не поступает нужное количество воды, которое сбрасывается более равномерно в течение года, а площадь займища сейчас заливается только на 50 %.

По данным Государственного научного института охраны рыбного хозяйства и Нижне-Волжского бассейнового водного управления до зарегулирования средняя продолжительность высокого уровня составляла 42 суток, а после — 27 суток. Средняя продолжительность «рыбной полки» до зарегулирования составляла 42 суток, а после — 31 сутки [5, с. 18]. Дата максимального уровня воды приходилась на май — начало июня и продолжалась в среднем 16—18 суток, после

зарегулирования продолжительность значительно сократилась. Так, в половодье 2011 г. она составила всего 6 суток (с 5 по 10 мая). Но из-за низких температур воздуха вода не успела прогреться до оптимального значения — это одна из главных причин деградации ихтиофауны и растительности.

Экологическая катастрофа, нависшая снова над поймой в 2010 году, это результат нерационального природопользования водных ресурсов на протяжении ни одного года. Данную ситуацию необходимо проанализировать с разных позиций. Во-первых, рассмотреть количество выпавших осадков в каждый рассматриваемый нами год, и, во-вторых, объемы годового стока воды через плотину. В 2005 году общий объем годового стока составил $288,6 \text{ км}^3$ (выше нормы — 116 %). Обильные осадки были в первой половине года, это можно наблюдать по объему стока во втором квартале ($136,3 \text{ км}^3$ — 129 % от нормы) и по максимальным расходам воды в период половодья ($28180 \text{ м}^3/\text{с}$), а уже со второго полугодия картина резко изменилась — дефицит влаги в летний и осенний период. Но водохранилище было уже опустошено, из-за боязни переполнения. Последствием таких не обдуманных поступков стала экологическая катастрофа в Волго-Ахтубинской пойме в 2006 году, когда она была заполнена всего лишь на 30 %, объемы годового стока составили 208 км^3 ! В ответ на сложившуюся ситуацию в 2007 году было дано чуть больше нормы годового стока ($281,8 \text{ км}^3$) — попытка спасти уникальные ландшафты и водно-болотные угодья поймы, к тому же и суммарный приток воды в водохранилища Волжско-Камского каскада ГЭС в марте превысил норму в 2 раза. Затопляемость протоков, ериков, залив лугов в 2007 году осуществился на 70 %. Уровни воды на Нижней Волге в период летней межени не опускались ниже нулевых отметок и соответствовали среднегодовым значениям [3, с. 7].

Но уже в 2008 и 2009 годах объемы годового стока были значительно ниже нормы — 241 км^3 и 238 км^3 соответственно. Наполняемость р. Волга и рук. Ахтуба была ниже средних многолетних значений на 50—100 см как в 2008 году, так и в 2009.

Проблемы с маловодностью начались примерно с сентября 2010 года из-за аномально высокой и продолжительной температуры воздуха и крайне малого количества выпавших осадков на территории всего Волжско-Камского каскада.

Что нас ждет в 2011 году, можно только догадываться, но факты и цифры говорят сами за себя. Так, максимальные расходы воды в половодье 2011 года составили $25000 \text{ м}^3/\text{с}$, вместо обещанных— $27000 \text{ м}^3/\text{с}$.

Для исследования состояния верхнего бьефа Волжской ГЭС нами были проведены выезды, это связано с крайне противоречивыми

данными об уровне воды в Волгоградском водохранилище. На протяжении всего лета 2010 года систематически велось обследование и изучение гидрологических объектов Волгоградского водохранилища, производились замеры, каждый из объектов был зафиксирован.

Опорными точками наблюдения и измерения уровня воды верхнего бьефа Волгоградского водохранилища были выбраны река Пичуга и Дубовский санаторий. Здесь систематически производились измерения.

Анализ полученных данных показал, что информация, данная Энергетическим Сообществом России, подтвердилась. Действительно, на начало лета 2010 года уровень верхнего бьефа в Волгоградском водохранилище был значительно ниже средних многолетних показателей. К началу осени ситуация несколько стабилизировалась. Были увеличены средние расходы воды, но они были близки к минимальным значениям [1, с. 83]. Об этом также свидетельствуют данные, опубликованные Облкомприродой в «Докладе о состоянии окружающей среды Волгоградской области в 2010 году». Сбросы воды через Волгоградский гидроузел в зимний период составили 5200—7200 м³/с, максимальный расход воды в период половодья наблюдался 7—8 мая — 27100 м³/с, расходы в летний период были 4400—6000 м³/с, расходы в осенний период составляли 4200—4900 м³/с.

Что касается суммарного количества воды прибывшего в водохранилища Волжско-Камского каскада в 2010 году, то он был ниже нормы на 10—40 % (по данным ГУ «Волгоградский областной центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды»). К примеру, в период весеннего половодья (апрель-май) приток воды составил 66 % от нормы, в летнюю межень (июнь-октябрь) — 63—88 %, в осеннюю межень (октябрь-декабрь) приток был около нормы, т. е. 100—107 % [4, с. 7].

Под «Геоэкологический оптимум» в режиме функционирования Волжской ГЭС подразумевается такой попуск воды через Волгоградский гидроузел, при котором удовлетворяются потребности в воде как, в первую очередь, природно-территориальных сообществ Волго-Ахтубинской поймы, так и энергетиков; это кривая, наглядно отражающая попуски воды через Волгоградский гидроузел в течение всего календарного года.

Этот график для затопления Волго-Ахтубинской поймы необходим по следующим причинам: восстановление гидравлической связи между водоемами поймы (промывной режим), сохранение уникальных интразональных ландшафтов поймы, сохранение и поддержание биологического разнообразия поймы. Волжско-Камский каскад водохранилищ позволяет отрегулировать до идеального состояния

обводнение Волго-Ахтубинской поймы в течение всего года. Необходим разумный и рациональный подход к данному вопросу.

График не может иметь постоянную, неизменяющуюся, стационарную кривую. Поскольку и «сельскохозяйственная», и, в особенности, «рыбная» полки зависят от температуры воды, поступающей в пойму, от маловодности или многоводности. Для нереста рыбы наиболее оптимальной является температура воды не менее +10, +14°C, а для этого ей необходимо нагреться. Необходимо постепенное повышение и понижение уровня воды — прогрев воды до оптимальных температур для нереста рыбы и вывода молоди, для промывного режима водоемов, пропитывание почвы. При этом, понижение должно быть еще более медленным и растянутым во времени, чем подъем.

При строительстве Волжской ГЭС согласно проектной документации планировался следующий режим сброса воды в течение года: 10 % от общего стока на зимний период, 60 % - на весенний период и 30 % — на летне-осенний. Действительно, это распределение будет наиболее оптимальным для ландшафтов поймы.

Список литературы:

1. Брылев В. А., Овчарова А. Ю. Проблемы экологического функционирования Волго-Ахтубинской поймы в пределах Волгоградской области // География, геоэкология, геология: опыт научных исследований: Материалы VIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. проф. Л. И. Зеленской. ГНПП «Картография»: 2011. Вып. 8. — С. 82-83.
2. Брылев В. А., Самусь Н. А., Славгородская Е. Н. Родники и реки Волгоградской области: монография / В. А. Брылев, Н. А. Самусь, Е. Н. Славгородская; ВОКМ. Волгоград: Михаил, 2007. — 200 с.
3. Доклад «О состоянии окружающей среды Волгоградской области в 2007 году» / Комитет природных ресурсов и охраны окружающей среды Администрации Волгоградской области. М.: Глобус. 2008. — 384 с.
4. Доклад «О состоянии окружающей среды Волгоградской области в 2010 году» / Комитет природных ресурсов и охраны окружающей среды Администрации Волгоградской области. Волгоград: «СМОТРИ», 2011. — 352 с.
5. Самборский Ю. П. К вопросу о генезисе рельефа Волго-Ахтубинской долины и его изменения под воздействием антропогенного фактора // Природные условия и ресурсы Нижнего Поволжья. Волгоград: 1981. — С. 17—20.

«ИННОВАЦИИ В НАУКЕ»

Часть II

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

11 апреля 2012 г.

Под редакцией канд. техн. наук Якова Аркадьевича Полонского

Подписано в печать 18.04.2012 Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,25. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3